

Инквизитор под прицелом
Жанна Майорова

18+

Жанна Майорова

Инквизитор под прицелом

<https://litres.ru/73762256>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сорок восемь часов. Именно столько инквизитору Лее Соларис предстоит провести в стеклянном карантине под прицелом камер корпорации Антерос. Экспериментальный штамм в её крови превращает тело в раба собственных инстинктов. Единственный, кто может быть рядом напарник Сайлас Вейл. Магослов, чья легендарная Плеть Безмолвия позволяет не чувствовать ничего.

Идеальный эксперимент. Идеальные подопытные.

Но Антерос не учёл одного: Лея и Сайлас уже давно смотрят друг на друга чуть дольше положенного. Их чувства не ошибка системы, а единственное, что остаётся настоящим в этой стерильной клетке.

Сорок восемь часов, чтобы вспомнить, кто они друг для друга.

Сорок восемь часов, чтобы из жертв стать охотниками.

Я не чувствую эмоций, Соларис. Только биохимические сигналы.

Содержание

Глава 1. Тихий яд	4
Глава 2. Карантинный офицер	18
Глава 3. Сенсорный голод	27
Глава 4. Сокрушительный катарсис	35
Глава 5. Вектор притяжения	50
Глава 6. Мне нужно больше	68
Глава 7. Собственник	88
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Жанна Майорова

Инквизитор под прицелом

Глава 1. Тихий яд

Тишина в стерильной комнате наблюдения была оглушительной. Сайлас Вейл стоял, прислонившись к холодной стене из сплава, и не сводил взгляда с Леи. Его лицо было каменной маской, но сухожилия на шее напряглись, как тросы.

Пальцы непроизвольно сжались в кулаки за спиной. Дыхание, выверенное до ритма метронома, дало сбой – один короткий, неровный выдох. Он заставил диафрагму вернуться в режим.

Контроль.

Перед глазами, поверх фигуры Леи, на секунду наложился другой образ – хрупкая женщина с глазами цвета дождевой воды, его мать, сидящая у окна в их родовой резиденции.

Она смотрела в пустоту, а по стеклу стекали такие же перламутровые разводы – зримый след её ментального распада.

Её магия, некогда позволявшая чувствовать сердцебиение города, превратилась в постоянный, невыносимый шум в голове.

«Тихий яд», – шептали слуги. Народное определение. Они имели в виду не зелье, а медленное безумие, съедавшее

её изнутри.

Имя того, кто довёл её до этого, Сайлас узнал позже. Оно красовалось на логотипе могущественной корпорации.

Сайлас моргнул, стерев образ.

Его «поломка» была другой – не утечка, а абсолютная герметизация.

Тишина. Полное отсутствие чувств.

Подарок матери, доставшийся в наследство вместе с проклятием.

Он смотрел на Лею, на её борьбу с внутренним штормом, и часть его холодного разума регистрировала: понимаю. Знаю цену контроля. Знаю цену его потери.

Но эта женщина справится. Её не ждёт судьба её матери. Смешанная кровь спасёт.

Тогда почему он, человек, который годами не чувствовал ничего, кроме ледяной ярости к системе, сейчас испытывает это неправильное, совершенно нерациональное... беспокойство? Именно за неё?

Совершенно нерациональную тревогу за эту женщину.

– Я говорил им. Я – плохой выбор, – его голос был низким, сдавленным, будто слова выходили против воли. – Единственное, о чём я могу сейчас думать... это как прижать её к этой стеклянной стене и взять. Пока от её крика не останется только эхо.

...

– Это не просто абсурд, это издевательство! – Голос Леи

дребезжал от ярости, смешанной с нарастающей паникой. Она сжала кулаки, чувствуя, как под ногти впивается влажная кожа ладоней.

– Нам необходимо провести полную биомагическую диагностику, – бесстрастно констатировал техномаг в белом халате, его пальцы порхали над голографическим интерфейсом.

– Субстанция... – начала его помощница, женщина с усталыми глазами и гладкими иссиня-чёрными волосами, собранными в тугой пучок. Она выглядела моложе своего возраста, а на лацкане халата вместо имени красовался только номер – ТМ-114 «Илва». – Субстанция категоризована как экспериментальный штамм «Сирена-Нуль». Производства... исследовательского отдела «Антероса». – Техномаг-мужчина бросил на неё резкий взгляд, но она, кажется, не заметила, уставившись на показания сканера. – Стандартные протоколы деактивации не подействовали. Только естественная утилизация нервной системой. Сорок восемь часов изоляции – это минимум.

«Минимум».

От этого слова у Леи свело желудок.

По протоколу. Нужно было соблюдать.

Но она слишком хорошо знала, как «протоколы» ломают жизни.

Перед глазами встал... даже не образ отца – он никогда не жаловался. Его руки... Руки мага-трансмутатора, которые

могли одним точным жестом изменить структуру сплава.

После вердикта «Антероса» эти руки стали дрожать. Сначала чуть-чуть. Потом сильнее. Он пытался скрыть это, сжимая их в кулаки под столом.

– Не волнуйся, Лея, – говорил он. – Найду работу. Без лицензии это тоже возможно. Везде нужны руки.

Но в его глазах была пустота человека, у которого отняли смысл.

Тогда она подала документы в Академию Инквизиции. Чтобы хоть попытаться не дать использовать этот чёртов «протокол» как оружие в руках тех, у кого больше власти.

А теперь этот же протокол запирает её в коробке со стеклянной стеной.

И продиктован он был той же корпорацией.

Ирония была горше самой ядовитой настойки.

– Но я в полном сознании! Я могу дать показания! – Лея попыталась встать с кушетки, но её тело ответило странной, сладкой, расслабленной тяжестью в суставах.

– Доверьтесь аппаратуре, инквизитор Соларис, – техномаг отложил планшет. – Если мы упустим латентный эффект, наша лицензия будет аннулирована. – Он говорил ровно, но в его тоне сквозила привычная покорность винтика большой машины.

Лея откинулась на подушку с глухим стуком.

Её рабочая униформа – темно-серый комбинезон из умной ткани – местами всё ещё отливала перламутровыми раз-

водами.

Липкий, переливающийся гель.

Его срочно нужно было счистить, но прибывший отряд дезактивации лишь суетился вокруг, нащёптывая что-то друг другу.

Черт возьми!

«Кросс-контаминация»? «Потенциал симбиоза»?!

Звучало крайне стрёмно.

Да и ещё и произносилось с траурными интонациями.

И во всём этом был виноват Шёпот.

И Вейл, со своей безупречной, холодной реакцией, из-за которой она оказалась в зоне поражения.

Её напарник.

Человек-призрак с реакцией гремучей змеи.

Сегодня он ошибся. Всего на микросекунду. Его телепортационный скачок был рассчитан не на её позицию, а на ту, где она должна была быть по его холодной логике.

Он извинился. Кивком.

Но теперь она была в этом стеклянном аквариуме, а он – где-то снаружи, закрывая двое суток отчётностью.

Они ловили алхимика-контрабандиста по кличке Шёпот. Тот сбывал на чёрном рынке дистилляты эмоций – нелегальные коктейли, выпариваемые из аур Магословов. Казалось, они загнали его в угол терминала, но Шёпот выхватил ампулу и разбил её у своих ног.

Облако блестящего тумана окутало Лею, оседая на одежде и коже липким гелем.

Сайлас, предугадав бросок, был уже вне зоны поражения. Что случилось потом, она помнила смутно – резкие движения, хруст костей, тихий стон Шёпота, его перекошенное лицо, шепчущее сквозь кровь: «Не понимаешь... это же не для тебя... это для него... проверка...».

Вейл работал молча и безжалостно, как всегда. Он даже не расслышал этот бред. Или сделал вид.

Он был оружием.

Дорогим, точным и абсолютно аморальным.

Лея, с её принципами и верой в процедуры, сначала видела в нём лишь угрозу. Потом – необходимое зло. А потом... она начала ловить себя на том, как наблюдает за плавностью его движений, за тем, как свет от голограмм ложится на резкие скулы.

Это было глупо.

Непрофессионально.

Опасно.

После Академии, едва начав работу в Инквизиции, она сменила трёх напарников. Двоих повысили, один погиб. Сайласа Вейла ей назначили полгода назад. Приказ свыше.

– Пусть у ваших мишеней теперь земля горит под ногами,
– сказал тогда командор.

Она не поняла смысла.

Теперь понимала – он был живым щитом, чёрной тенью, принимающей любой удар. И его абсолютный контроль над собой одновременно восхищал и пугал.

Медики вышли, оставив её наедине с гудящей тишиной. Техномаг Илва на мгновение задержалась, взгляд скользнул по перламутровым разводам на комбинезоне Леи, затем встретился с её глазами. В них мелькнуло что-то знакомое – не профессиональная отстранённость, а почти... вина.

Лея проводила её взглядом. Что-то в этой женщине показалось знакомым – не лицо, а манера держаться, та самая вина во взгляде. Такое Лея видела у людей, которые однажды уже прошли через «протоколы» «Антероса» и теперь вынуждены на них работать. У неё внутри шевельнулось нехорошее предчувствие.

Илва быстро опустила взгляд и поспешила за коллегой, не

сказав ни слова.

Лея уже собралась идти в дезинфекционную кабину, когда за стеклянной стеной мелькнула знакомая фигура.

Сайлас говорил с главным техномагом. Его поза – прямая, почти неестественно неподвижная. Но Лея знала этот микроразыск – лёгкий наклон головы, жёсткая линия плеч.

Он был на пределе.

Не от гнева.

От концентрации.

Вид его, собранного и смертельно опасного, заставил что-то тёплое и тревожное сжаться у неё в груди.

В этот момент в коридоре появился ещё один человек.

Высокий, в идеально отутюженном халате цвета слоновой кости – явно не стандартная униформа. Серебристые волосы были убраны назад, а лицо с тонкими чертами казалось высеченным из мрамора.

Он остановился рядом с Сайласом, и главный техномаг мгновенно замолчал, отступив на шаг, как слуга.

Незнакомец что-то сказал Сайласу, не меняя выражения. Вейл не шевельнулся, но Лея увидела, как напряжение в его плечах достигло критической точки.

Затем незнакомец повернул голову и посмотрел прямо на неё, сквозь стекло. Взгляд был таким же холодным и оценивающим, как взгляд учёного на редкий, ядовитый экземпляр.

Лее стало не по себе.

Он вошёл в палату следом за Сайласом, и воздух словно сгустился, наполнившись запахом стерильности и дорогого одеколona с эффектом свежести. Ему не пришлось наклоняться – потолки здесь были высокими, но его присутствие всё равно заполнило пространство, вытеснив даже подавляющую ауру Вейла.

Почему-то наличие двух высоких и совершенно точно привыкших к власти мужчин заставило Лею занервничать. Это был не страх перед более сильными. Это было нечто... плохо идентифицируемое. Трепет? Фу! Ради всех аркан! Ни один мужчина никогда не заставлял ее трепетать. И этим... не удастся.

Просто с ней было что-то не так.

– Инквизитор Соларис, – голос у мужчины был бархатным, но в нём звенел лёд скальпеля. – Доктор Деклан Роу, руководитель проекта био-магической адаптации «Антероса». К вам приковано всё наше внимание.

Он сделал паузу, даря словам весомость приговора.

– Соларис, – голос Сайласа прозвучал резко, перебивая Роу, планировавшего продолжить. Он стоял чуть в стороне, лицо было пустой маской, но Лея знала – это боевая готовность. – Был проведён предварительный анализ. Гель – это не вещество, а колония наномицетов, запрограммированных

на доставку психоактивных соединений. Их цель – нервная система и лимбический центр.

Лея мгновенно выхватила из памяти нужные знания и почувствовала, как холодеет в животе.

– Нано-мицелий? Значит, они уже внутри...

– Да. Дезактивация поверхности бесполезна. – Он сделал шаг ближе, и в его обычно пустых глазах промелькнуло что-то похожее на... что? Предупреждение? – Техномаги идентифицировали три основных агента. «Эрос-9» – синтетический аналог феромонов влечения. «Гея-спора» – стимулятор репродуктивных функций на клеточном уровне. И «Сирена-нуль»... – он замолчал, взгляд стал отстранённым, будто он читал данные с внутреннего экрана, но Лея заметила, как его взгляд на долю секунды метнулся к Роу. – Экспериментальный штамм. Работает на дофаминовых петлях, искусственно усиливая эмпатическую связь до уровня одержимости. Цель – полное подчинение воли.

– Прекрасная формулировка, инквизитор Вейл, – мягко вступил Роу, сложив руки на груди. – Хотя я бы сказал – «до уровня идеального резонанса», но не обращайтесь внимания и не забивайте себе головы. я обожаю научный сленг. «Сирена-Нуль» – наш последний прорыв. И, должен признать, вы оба представляете уникальный интерес. Вы, инквизитор Соларис, со смешанной, устойчивой кровью. И вы, инквизитор

Вейл, с вашей... «Плетью Безмолвия». – Он произнёс это почти с нежностью. – Нас чрезвычайно интересует, что произойдёт, когда абсолютный контроль встретится с абсолютной потребностью в связи. Какой алгоритм окажется сильнее.

Он улыбнулся, и это показалось Лее страшнее любой угрозы.

Девушка закрыла глаза.

Картина складывалась ужасающая.

Они были подопытными крысами.

С самого начала.

– Иными словами, я превращаюсь в безвольное желе из инстинктов. А вы будете за этим наблюдать.

Он на долю секунды задумался над её определением, и уголок его губы дёрнулся вверх в ухмылке.

– Метко, инквизитор.

Она и без него знала.

– И маяк для любого, у кого есть обоняние или остатки эмпатии, – горестно добавила Лея.

Хотела ещё припечатать «как самка в течку», но пожалела

себя. Вейла точно ничем не проймёшь. А Роу... почему-то ей казалось, что ему доставляет удовольствие видеть ее в таком состоянии. Гад.

– По предварительным подсчетам, что пик выброса агентов наступит через двенадцать-тридцать шесть часов, – продолжил Сайлас, игнорируя Роу, его голос был стальным. – До этого – нарастающие симптомы. Ты останешься здесь. Это приказ.

– Мой приказ, – поправил Роу. – В интересах науки и безопасности Корпорации.

– А если я откажусь? – вырвалось у неё из чистой вредности, хотя она уже знала ответ.

– Тогда я применю силу, Соларис. Как предписано протоколом, – процедил сквозь зубы Сайлас, и в его голосе впервые зазвучала не холодная констатация, а скрытая, яростная горечь. Он ненавидел эту роль. Но выполнял её. – При угрозе распространения ментальной контаминации.

Она ненавидела его в этот момент. И ненавидела себя за то, что даже этот ледяной тон заставлял её кожу покрываться мурашками.

Этот мужчина пугал, удивлял и восхищал ее с самого на-

чала. И бесил, конечно же. Никогда с ним не было скучно и штатно.

«Помнишь наше первое дело, Вейл? – кричал её внутренний голос, или она сама, если бы могла себе позволить вести себя как истеричка сейчас. – Контрабанда артефактов через гидропонные плантации. Ты прошёл через систему фильтрации, не оставив ни одной тепловой сигнатуры, как призрак. Я – по протоколу, с командой техномагов. Мы встретились у выхода, у тебя в руках был главный контрабандист, со мной – пять его подручных и полный дамп данных. Ты посмотрел на мою команду и сказал: «Избыточное применение ресурсов. Неэффективно». И ушёл. Не «молодец», не «хорошая работа». Констатация факта. Как будто я – сбойный алгоритм».

Что за мудак!

– Душ, – сквозь зубы произнесла она. – Мне нужно смыть эту... биомассу.

Сайлас кивнул, уже отворачиваясь, погружаясь в переписку с невидимым интерфейсом через нейро-линзу.

– У тебя десять минут. Потом придут за первичными пробами.

Доктор Роу не уходил. Наблюдал, как Лея поднимается с кушетки, взгляд скользил по её фигуре с клиническим интересом.

– Не бойтесь, инквизитор Соларис, – сказал он на прощанье. – Вы в безопасности. Для нас ценно каждое... наблюдение. Особенно за реакцией инквизитора Вейла. Интересно, каков предел его «Плети», не правда ли? Ведь она уже дала одну трещину. – Он бросил многозначительный взгляд на Сайласа, который застыл, не двигаясь. – Мы обязательно это выясним.

Вышел, оставив после себя ощущение липкого, невидимого присутствия.

Лея поняла – стеклянная стена тут не для её защиты.

Она для того, чтобы было видно лучше.

Глава 2. Карантинный офицер

Лея включила режим «Крио-струя», и ледяные иглы ударили по коже. Девушка вздрогнула, но не от холода – от внезапного, острого спазма где-то глубоко внутри, ниже живота.

Это было не больно.

Это было... требовательно. Что за...

Когда она вышла, завёрнутая в стерильный серебристый халат, в палате уже были люди. Сайлас сидел в углу, в кресле, которое казалось игрушечным на его фоне. Смотрел в пустоту, пальцы сложены в замок – поза абсолютного, почти медитативного покоя.

Но Лея заметила едва уловимое подрагивание указательного пальца на правой руке. Сбой в моторе. Микроскопический. Видимо, только для неё заметный.

К ней подошла техномаг Илва с портативным сканером. Её лицо казалось ещё более уставшим, чем час назад.

– Инквизитор Соларис, как самочувствие? Первичные сенсоры? – её голос был профессионально-ровным, но, когда она наклонилась, чтобы приложить сканер к виску Леи, та заметила на её запястье тонкий, почти незаметный шрам. Хирургический. Такой же, как у Сайласа на рёбрах. «Стресс-маркер опытного образца». Лея внутренне похолодела.

Илва, прикладывая сканер, на секунду задержала пальцы на её виске дольше, чем нужно, и Лея услышала сдавленный шёпот: «Не доверяйте показаниям на стене. Они... занижены. Пик наступит раньше».

Лея едва не дёрнулась. На лице Илвы не дрогнул ни один мускул. Только в глазах мелькнуло то же выражение, что и вчера – вина пополам с решимостью.

Илва уже выпрямилась, глядя на дисплей.

– Всё в норме, – соврала Лея, чувствуя, как по спине бегут струйки пота и как внутри всё сильнее скребёт тот самый, новый, животный зуд. – Когда можно будет начать антидотную терапию?

Илва обменялась взглядом с главным техномагом – тем самым, что был с ней при первом осмотре. Его имя было Джарвис, и его взгляд на Лею был таким же, каким смотрят на интересный, но потенциально заразный биоматериал.

– Антидота... в классическом понимании – нет, – сказал Джарвис, поправляя очки. – Наномицеты уже интегрированы в синаптические связи. Мы можем попытаться подавить их активность магнитно-резонансным полем, но это согласно протоколу 7-Гамма «Антероса», риск для вашей нейросети оценивается как критический. Недопустимая потеря когнитивных функций.

– То есть вы предлагаете просто... переждать? – голос Леи

дрогнул.

– Мы предлагаем контролируемое наблюдение в сенсорно-нейтральной среде, – поправил Джарвис. – Сорок восемь часов – стандартный цикл для сбора данных по таким штамам как «Сирена-Нуль». Пик будет тяжёлым. Галлюцинации, гипербулимия сенсорного голода, возможно, аутоагрессия в попытке удовлетворить... кхм... спровоцированные инстинкты... Всё будет зафиксировано.

Лея почувствовала, как пол уходит из-под ног.

Сбор данных.

Зафиксировано.

Они говорили о её агонии, как о лабораторных показаниях.

Посмотрела на Сайласа.

Он наблюдал, лицо оставалось непроницаемым, взгляд был прикован не к техномагам, а к полупрозрачной панели на стене, за которой угадывалось мерцание голограмм – пост наблюдения.

Там, наверняка, сидел Роу.

– И кто будет этим «контролем»? – спросила она упавшим голосом, уже зная ответ.

– Протоколом предусмотрено назначение карантинного

офицера с максимальной нейроустойчивостью, – отчеканил Джарвис. – Инквизитор Вейл был определён как оптимальный кандидат. Его уникальная... адаптация позволяет противостоять внешним эмоциональным импульсам. Он может сохранять ясность суждений. Доктор Роу лично утвердил это назначение.

Сайлас не шевельнулся.

Он не «предложил». Его назначили.

Приговорили быть стражем у её личного ада. Или... его самого поставили перед испытанием?

Лея вспомнила слова Роу: «Интересно, каков предел его «Плети»?»

Они будут изучать Вейла так же, как и ее.

– Я не нуждаюсь в няньке, – прошипела Лея, голос прозвучал слабее, чем она хотела. Внутри всё сильнее гудело.

– Это не нянька, инквизитор, – холодно парировал Джарвис. – Это элемент протокола безопасности. Его задача – не допустить, чтобы вы навредили себе или, что более важно, не стали источником несанкционированной утечки экспериментальных данных. Ментальный патоген – ваш изменённый биофон – должен оставаться в пределах этой комнаты.

Лея посмотрела на Сайласа.

Мужчина медленно поднял на неё глаза. В них не было

ни сочувствия, ни отвращения. Лишь чистый, нечеловеческий анализ. И в глубине – то самое неуловимое напряжение, словно он удерживал титановой волей невидимый шторм. Но теперь она понимала – этот шторм был не только из-за неё.

Он был из-за них.

Из-за наблюдателей.

– Хорошо, – сдалась девушка, чувствуя, как первый приступ настоящей, животной тоски начинает скрестись изнутри по рёбрам, смешиваясь с гневом и беспомощностью. – Сорок восемь часов. Что теперь – просто ждать?

Джарвис кивнул, явно довольный.

Илва, собирая оборудование, на секунду задержала взгляд на Лее. В её глазах мелькнуло что-то, что можно было принять за сочувствие, но тут же погасло, скрытое профессиональной маской.

Она быстро вышла, не оглядываясь.

...

Комната изоляции была больше похожа на дорогой номер в отеле, чем на лазарет. Мягкое освещение, кровать с адаптивным матрасом, даже небольшой гидропонный садик с успокаивающими травами. И всё это – за прозрачными, казалось бы, непроницаемыми для звука и запаха стенами. В углу потолка мерцал крошечный индикатор камеры. Красный огонёк. Как капелька крови.

Сайлас принёс свой чёрный функциональный рюкзак и поставил у кресла, которое он, казалось, уже выбрал своим

наблюдательным пунктом – спиной к стене, с максимальным обзором всей комнаты и двери.

– Твои личные вещи, – он кивнул на тумбочку, где лежала небольшая капсула с её одеждой. Его движения были чёткими, экономными. – Отчёт по Шёпоту закрыт. Все формальности улажены. Твоим контактам передали, что ты на внезапных учениях по киберзащите. Стандартная схема «Антероса» для изоляции инцидентов.

В его голосе прозвучала едкая, язвительная горечь.

– Спасибо, – буркнула Лея, садясь на край кровати. Её пальцы нервно теребили край халата. Жар под кожей начал нарастать, превращаясь в настойчивое, глухое тепло. – И как долго ты планируешь... наблюдать?

– До завершения цикла, – он откинулся в кресле, и оно с тихим шелестом приняло форму его тела. – Или до момента, когда контроль станет невозможен. Второй вариант не рассматривается.

Сказал это с такой ледяной уверенностью, словно отдавал приказ самому себе.

– Ты так уверен в своём «контроле»? – в голосе Леи прозвучала дерзость, которой она не чувствовала.

Это было шипение загнанного зверя.

Его взгляд скользнул по ней, быстрый и оценивающий, как сканер. Задержался на месте, где халат неплотно прилегал к её груди. Прислушался к учащённому дыханию. На долю секунды.

– Достаточно. Моя нервная система изолирована. Я не чувствую эмоций, Соларис. Только биохимические сигналы. И я могу их игнорировать. Это необходимо.

– Как удобно, – она не удержалась от сарказма, чувствуя, как под его взглядом жар разгорается сильнее. Щеки точно сильно покраснели. Чёрт, он же это видит! – Ни желаний, ни слабостей. Совершенный солдат.

– Совершенный инструмент, – поправил мужчина без всякой обиды. – И в данной ситуации это к лучшему. Тебе не придётся стыдиться. Я не увижу ничего, кроме физиологических процессов. И протоколов, которые необходимо выполнить.

Его слова должны были успокоить.

Но они лишь разозлили её.

Он сводил всё к биологии и протоколам. Её смутение, страх, этот позорный, нарастающий зуд под кожей – всего

лишь «процессы». Данные для их отчётов.

Хотя... может, так проще? Если думать, что он – просто продвинутый автомат...

– Попробую поспать, – сказала она, отворачиваясь и натягивая на себя лёгкое одеяло. Сон был бегством. От него. От себя. От этого места.

– Не рекомендую, – его голос донёсся из темноты. Он не двигался с места. – Если уснёшь сейчас, проснёшься в активной фазе. Будет тяжелее. Организм не успеет выработать даже минимальные компенсаторные механизмы.

– Чем больше я просплю, тем быстрее пройдёт положенное время, – пробормотала она, уже закрывая глаза, пытаясь убедить себя.

«С тобой в замкнутом пространстве. Под их взглядами».
Он не ответил.

Тишина снова стала густой, сладкой и невыносимой.

Где-то в этой тишине, едва уловимо, зашипела система вентиляции, выводя чистый, стерильный воздух. Но вместе с ним, возможно, что-то ещё... Лее почувдился сладковатый, миндальный запах, который тут же растворился.

Или ей уже начало мерещиться?

Через несколько минут она услышала, как Сайлас встал с кресла. Не шаги, а лёгкий скользящий звук. Подошёл к стене с камерой, встал так, чтобы закрыть её обзор на кровать своим телом, и замер, устремив взгляд в красную точку. Его спина, увиденная краем глаза Леи, была напряжена, как у хищника, почуявшего другого хищника.

Он ничего не сказал. Но его молчаливая поза была красноречивее любых слов.

Я здесь. Я вижу вас. И вы не получите всего, что хотите. Ей бы его уверенность.

Лея закрыла глаза крепче, сжавшись под одеялом.

Борьба уже шла на многих фронтах. Внутри нее. В этой комнате. В нем. И еще один невидимый фронт – то, что притаилось за стеклом.

Глава 3. Сенсорный голод

Она проснулась от того, что тело горело. Не метафорически. Кожа излучала тепло, будто изнутри работала печь. Время на голографических часах показывало глубокую ночь.

Над кроватью, встроенный в стену монитор, беззвучно выводил графики её жизненных показателей. Частота пульса и нейронная активность уже ползли по кривой, обозначенной красной зоной «Экстремальный стресс». Рядом мелькнула пометка: «Протокол Sigma-7. Фаза 1. Начало».

Первая волна накрыла девушку, едва она открыла глаза.

Не боль, не тошнота.

Глубокое, ноющее желание.

Оно в первые секунды было слепым, не имеющим объекта, просто пульсирующей пустотой, которая требовала быть заполненной.

Лея сбросила одеяло и села, дрожа. Халат прилип к спине. Вьющиеся медные пряди – к вискам.

Она знала, что он здесь. Не видя, не слыша. Просто знала.

Медленно повернула голову.

Сайлас сидел в своём кресле.

Не спал.

Его глаза, отражавшие тусклый свет ночника, были прикованы к ней. В позе не было ни расслабленности, ни напряжения. Какая-то странная готовность. Охранника. Солдата на посту. Взгляд периодически скользил к той же панели с показателями, и каждый раз его челюсть сжималась чуть сильнее.

– Вейл? – собственный голос прозвучал хрипло. Как чужой.

– Я здесь, – ответил он. Голос был таким же ровным, но в нём появилась новая нота. Бдительность. – Началось?

– Да, – она сглотнула ком в горле. – Жар. И... чувство голода. Но не в желудке.

– Сенсорный голод, – констатировал он, поднимаясь. Подошёл к стеклянной стене, разделявшей комнату на зоны, и остановился в сантиметре от неё. – Будет нарастать. Данные, которые они мне предоставили, прогнозируют рост нейрохимической потребности. Техномаги советуют не сопротивляться первичным импульсам. Попробуй... удовлетворить сенсорный запрос безопасным способом.

Лея фыркнула, но смех получился нервным, надрывным.

– «Безопасным способом»? Ты имеешь в виду...

– Что угодно, что даст твоей нервной системе необходимую стимуляцию без внешнего вмешательства, – словно зачитывал инструкцию по техобслуживанию. – Холодная вода. Тактильные стимуляторы. Даже... самоудовлетворение, если это снизит интенсивность сигналов. Это не рекомендация. Это пункт 4.3 их протокола наблюдения за реакцией на депривацию.

Девушка покраснела бы, если бы уже вся не горела.

Они всё предусмотрели.

Даже это.

– И ты будешь... наблюдать?

– Моя задача – отслеживать твоё состояние, а не твои действия, – сказал он.

Но его взгляд, пристальный и неотрывный, говорил об обратном.

Он видел всё.

Каждую дрожь, каждый вздох.

И анализировал.

Работал.

Как и было приказано.

Лея встала, ноги едва держали.

Прошла к дезинфекционной кабине, чувствуя, как его взгляд следует за ней, тяжёлый и невесомый одновременно.

На панели управления душем горел зелёный индикатор. Рядом с ним, едва заметно, кто-то нацарапал тонким предметом едва различимую надпись: «Не ВКЛ. Вент.».

Не включать вентиляцию? Предупреждение от Илвы?

Внутри включила воду. Не ледяную. Прохладную.

Струи били по коже, но не гасили внутренний пожар, а лишь раздували его.

Девушка прислонилась к кафельной стене, сжала веки. В голове, против воли, возникали образы. Не лица, не тела. Ощущения. Сильные руки, сковывающие движение. Грубая ткань на её коже. Давление. Заполнение. Она издала тихий, стонущий звук.

И тут же из встроенного в потолок динамика раздался спокойный, бархатный голос:

– Любопытная первичная реакция, инквизитор Соларис. Отметим преобладание тактильных и подчинённых фантазий. Показательно для арканитской психики с подавленными доминантными чертами. Продолжайте, не стесняйтесь. Все данные анонимны.

Голос Роу.

Он наблюдал.

И комментировал.

Холодный пот смешался со струями воды.

Это было унижительнее всего.

Голос Роу, усиленный динамиком, разнёсся по палате, и следом за ним, из-за двери душа, донёсся сдавленный, яростный вдох Сайласа – он тоже слышал. Не просто вдох – это был звук, похожий на рычание, немедленно подавленный.

Он слышал. Ее.

И его слышал.

Стыд обжёг сильнее бушевавших внутри наномицетов. Она выключила воду, накинула халат и вышла, не глядя на потолок.

Мужчина стоял у противоположной стены, отвернувшись. Спина напряжена, как у зверя в клетке, плечи подняты. Дышал глубоко и медленно, с явным, почти физическим усилием, будто втягивал воздух сквозь плотную ткань. Кулаки сжаты так, что костяшки побелели.

– Вейл? – снова позвала она, и на этот раз в голосе прозвучала не просто мольба, а отчаянная потребность в спасении от этого унижительного цирка.

Обернулся.

Лицо было тем же – холодным, замкнутым. Но глаза...

Серые глаза казались почти чёрными, зрачки расширились, поглотив радужку. В них бушевала буря, которую он в себе душил. Но теперь в этой буре плескалась не только похоть. Там была ярость. Направленная вовне.

– Твой биоэлектрический фон... интенсивный, – сказал он, голос на миг сорвался, став ниже, грубее, почти животным. – Он пробивает мои фильтры. Их фильтры. Они... усиливают сигнал. Через вентиляцию. Я чувствую химическую примесь. Это... неправильно. Это, черт возьми, саботаж.

Миндаль... Выходит, ей не мерещилось.

– Значит, ты не такой уж нечувствительный, – прошептала она, в словах была не злорадство, а странная, горькая надежда.

Если он чувствует, значит, он здесь, по-настоящему.

«Надежда?! Соларис, возьми себя в руки!» – попыталась одёрнуть она себя, но её мысли уже плыли по течению липкого, сладкого пожара.

– Я достаточно чувствительный, чтобы понимать опасность, – он сделал шаг к ней, затем резко остановился, будто наткнувшись на невидимую стену. Взгляд метнулся к камере. – Лея... – он редко использовал её имя. Звучало это как признание поражения. И как предупреждение. – Мне нужно выйти. Перезагрузить протоколы подавления. Иначе я сло-

маю не их, а эту чёртову камеру. И того, кто за ней сидит.
– Иди, – сказала она, и тут же пожалела.

Она не хотела, чтобы он уходил.

Его присутствие, даже ледяное, напряжённое, было единственной твердыней в мире, который превратился в хаос из желания и наблюдающих глаз.

Но он был прав.

Он трещал по швам.

Мужчина кивнул, резко развернулся и вышел, не закрыв за собой дверь в палату, но плотно захлопнув внешнюю дверь в коридор. Звук был громким, резким – протест, который мог себе позволить инквизитор на службе у могущественной системы.

Лея опустилась на пол, прижавшись лбом к холодному стеклу полупрозрачной перегородки.

Она проигрывала.

И он тоже.

Но теперь они проигрывали не только яду. Проигрывали системе, которая с холодным интересом подливала масла в огонь, записывая каждый их срыв, каждую трещину в броне. И где-то в глубине, сквозь химический туман, в Лее за-

шевелилось новое чувство – не желание, а яростная, беспомощная злость. Её использовали. Его использовали. И единственное, что они пока могли сделать – не дать наблюдателям увидеть всё до конца.

Но получится ли у них...

Из динамика снова раздался голос Роу, на этот раз адресованный, видимо, техномагам. Но раз он включил его, значит, хотел, чтобы она слышала тоже:

– Отличные данные по первичному сопротивлению «Плети». Фиксация микротрещин в контроле. Вносим в отчёт. Фаза 2 – активация эмпатического резонанса – по графику. Подготовьте стимулятор «Резонанс-альфа» для введения в среду объекта «Вейл» через полчаса. Будем смотреть, как трещина превращается в разлом.

Лея закрыла глаза.

Объект «Вейл». Так они его называли. Так же, как когда-то его мать. Тихий яд.

Теперь она понимала. Это была не просто их личная битва.

Это была месть системы одному «сломанному» магослову. А она, Лея Соларис, стала всего лишь инструментом в этой мести. Болезненной отмычкой к его душе.

Глава 4. Сокрушительный катарсис

Девушка не знала, сколько прошло времени. Часы слились в один сплошной поток дискомфорта.

Она переместилась.

Пыталась отвлечься, считать плитки на потолке, вспомнить кодекс Инквизиции.

Но мысли расползались, уступая место навязчивым, ярким фантазиям.

В них всегда был он.

Не как человек.

Как сила.

Как решение этой невыносимой боли.

Кстати, забавно... Многие не верили, что Вейл – человек. Он – потомок одной из Семи Семей Магословов. У него есть плоть, кровь, ДНК с особыми генетическими маркерами. Его тело стареет, нуждается в пище, сне и – как Лея только что убедилась на своём опыте – способно на биологические реакции.

Он не киборг в классическом смысле. Но... в нём всегда было что-то стирающее всё вышеперечисленное человеческое. Нечто, что заставляло людей шарахаться. Даже коллег. Чего уж там... и её саму какое-то время.

Его способности – это анти-магия.

В мире, где магия – некий подарок высших сил, экспресия, сила, «дар» Вейла – абсолютный контроль над собственной биологией. Он не извергает пламя и не читает мысли. Но он отключает боль, регулирует гормоны, подавляет эмоции на уровне нейротрансмиттеров. Это не способность чувствовать больше, а способность не чувствовать вообще.

Это делает его чужим и среди своих же сородичей-Магословов.

И идеальным объектом для изучения со стороны тех, кто хочет разобрать душу на составные части, чтобы потом собрать послушный механизм.

«Антерос» всегда охотился за уникальным. Он и его мать были для них живыми кристаллами – красивыми, ценными и подлежащими препарированию.

Когда дверь снова открылась, Лея уже не удивилась.

Почувствовала его приближение раньше, чем слышала шаги. Его запах – не одеколон, а чистота, озон и что-то металлическое – ударил ей в голову, свежий и подавляющий. Но под ним – едва уловимый шлейф чего-то химического,

горького. Как будто его кожу только что протерли антисептиком особой формулы. Но девушка все равно жадно втянула его, и тело выгнулось в немом стоне.

Он вошёл уже в другом комбинезоне – тёмно-синем, строгом. Снова был под контролем. Но напряжение вокруг него висело почти осязаемо, как плотное силовое поле. Его взгляд в первую очередь метнулся к камере. Он пробыл снаружи дольше, чем нужно для простой «перезагрузки».

– Техномаги передали, – начал он, не приближаясь, голос был ровной, лишённой тембра машиной для озвучивания текста. – «Рекомендация по протоколу 4.3-Сигма. Для субъекта «Соларис». Подавление импульсов ведёт к кумулятивному эффекту и риску соматического срыва. Единственный способ снизить нейрохимическое давление... это канализировать его. Целенаправленно. Под наблюдением.

Произнёс казённые формулировки с таким ледяным отстранением, что у Леи сжалось сердце. Он снова стал инструментом, озвучивающим их бесчеловечные инструкции.

Девушка смотрела на него, не понимая, где в этих словах заканчивается программа и начинается он сам.

– Они говорят, тебе нужно... достигнуть катарсиса. Сенсорной разрядки. Перезагрузить петли обратной связи, – он произнёс это с таким же выражением, с каким говорил бы о ремонте двигателя. Но его глаза, эти серые, почти нечело-

веческие глаза, были прикованы к её лицу, а не к пустому пространству.

– Предлагаешь... помочь? – голос предательски задрожал.

– Нет, – ответил слишком быстро, и в этом «слишком» проглянула новая трещина. – Предлагаю создать условия, в которых ты сможешь помочь себе. Без риска и без... внешнего участия, – мужчина всё ещё стоял у порога, словно боялся переступить черту. Проведённую не им. – Твой эманационный фон пробивает любую изоляцию. Он... провоцирует ответ даже у меня. Особенно после того, как они ввели «Резонанс-альфа» в мой сектор.

– Значит, ты чувствуешь это, – она не спрашивала. Констатировала.

– Я чувствую биохимическую бурю, – поправил Вейл, голос на мгновение стал ниже, плотнее. – И моё тело интерпретирует её как угрозу высочайшего приоритета, на которую нужно... ответить. Но я могу это игнорировать.

Ага. До чего самоуверенный парень!

– Пока не сломаешься, – девушка поднялась с пола, чувствуя, как новая, более сильная волна поднимается из глубин, подгоняемая мыслью, что и его отравили, сделали ми-

шению. – Сайлас... Мне больно. Мне пусто. И ты... единственное, что мой мозг сейчас воспринимает как... как наполнение.

Сама не верила, что говорит это. Но это была правда, искажённая, но правда.

Он замер.

Его лицо на миг исказилось настоящей, неконтролируемой болью. Не от желания. От признания собственной уязвимости. От того, что его, «непробиваемого», тоже втянули в эту грязную игру.

– Не говори так.

– Почему? Это правда, – она сделала шаг к нему. – Ты сказал – создать канал. Помоги. Дай... направление.

Он зажмурился.

– Это ошибка. Я не могу... Не должен... Давать им этих данных.

– Ты должен следить, чтобы я не навредила себе! – её голос сорвался, в нём зазвучала истеричная нота, рождённая отчаянием и химическим пожаром. – Вот я и прошу. Не тро-

гай меня. Просто... говори. Дай моему сознанию хоть какую-то опору, кроме этого хаоса!

Тишина. Длинная, разрывающая. В ней слышалось слабое гудение систем и, казалось, самое лёгкое, почти призрачное шипение из вентиляции.

Они ждали.

Когда мужчина заговорил, его голос был другим. Низким, тихим, лишённым прежней металлической стерильности. В нём появились шероховатости, срывы. Голос человека, а не инструмента. Голос сообщника, нарушающего протокол.

– Закрой глаза, – приказал он, но без привычной железной прямоты. Это была просьба, облечённая в форму команды для чужих ушей.

Она повиновалась.

– Представь, что ты не здесь. Ты... на старой орбитальной станции. В отсеке гравитационной стабилизации. Слышишь гул генераторов. Чувствуешь лёгкую вибрацию в полу. Холодный воздух пахнет металлом. И никого больше. Никаких глаз.

Девушка представила.

С трудом, сквозь туман желания, попыталась ухватиться

за этот образ. Убежище.

– Тебе нужно сосредоточиться на одной задаче. Проверить сцепление магнитных зажимов. Твои руки в рабочих перчатках. Ты проводишь ладонью по холодной поверхности панели, ищешь стыки...

Рука девушки, против воли, скользнула под халат, легла на горячую кожу живота. Холодный металл в воображении. Жар в реальности.

– Ты находишь первый зажим. Он чуть теплее окружающего металла. Нажимаешь на скрытый рычаг, чувствуя, как под перчаткой сдвигается тяжёлая арматура...

Её пальцы дрогнули, скользнули ниже, уже не следуя логике ремонта, а ища своё, настоящее.

– Ты контролируешь процесс. Каждое движение осознанно. Ты слышишь только гул и своё дыхание в шлеме...

Она услышала его дыхание. Оно было неровным, сбившимся с ритма.

Он боролся.

Не с ней.

С системой, которая слушала. С ядом в собственной крови. С образом матери, наверное, которую тоже доводили до

срыва в стерильных лабораториях. И проигрывал по всем фронтам, кроме одного – он ещё держал связь с ней, был её проводником в этом аду.

– Второй зажим. Труднодоступный. Тебе приходится развернуться, упереться плечом в балку... – его голос стал тише, ближе. Она почувствовала, что он подошёл. Не слышала шагов. Просто знала. По изменению давления в воздухе, по усилившемуся запаху озона и той самой химической горечи. – Ты растягиваешься, мышцы напрягаются... Ты достигаешь цели. Нажимаешь. Щелчок отдаётся во всем теле...

Её тело отозвалось спазмом. Она вскрикнула, коротко и резко.

Где-то на периферии сознания ей показалось, что красный огонёк камеры на секунду моргнул и погас. Как? Сайлас заблокировал обзор? Или это галлюцинация?

Он замолчал. В тишине было слышно, как он тяжело дышит, стиснув зубы.

– Продолжай, – выдохнула она. – Пожалуйста.

– Третий зажим... самый важный, – голос превратился в хриплый шёпот прямо у неё над ухом. Он так близко? Или снова галлюцинация? – В самом центре. Чтобы до него добраться... нужно снять внешнюю панель. Открутить болты.

Они поддаются туго, с сопротивлением... Каждый оборот требует усилия... Ты чувствуешь, как напрягаются твои бицепсы, как дрожат предплечья...

Она теряла связь с реальностью. Его голос был всем. Иглой, вскрывающей нарыв. Руководством. Приказом. Единственным якорем в шторме, который устроили для них другие.

– И вот... последний болт. Панель отходит. Под ней... ядро. Оно пульсирует мягким синим светом. Тёплым. Ты должна... прикоснуться. Проверить целостность. Перчатки мешают. Ты... снимаешь одну...

Она сбросила халат с плеча. Воздух коснулся кожи, и это было похоже на прикосновение. Его прикосновение, которого не было.

– Твоя голая рука... тянется к свету. Ты почти касаешься его... Чувствуешь излучение, вибрацию...

Её пальцы нашли влажную, пульсирующую цель.

Она застонала, длинно и безнадёжно.

– Касаешься, – его голос сорвался, стал грубым, диким, вырвавшимся из-под всех барьеров. – И свет поглощает те-

бя. Волна. Энергия. Она течёт по твоим венам. Заполняет каждую клетку. Ты не можешь дышать. Ты не должна дышать. Ты просто... принимаешь. Пока не станешь частью этого света. Пока не исчезнешь в нём.

Её тело взорвалось тихим, сокрушительным катарсисом. Волны судорог прокатились от макушки до пят. Мир сузился до белого шума и эха его голоса в ушах.

И где-то очень далеко, как сквозь толщу воды, донёсся звук – не голос, а сухой, механический щелчок, будто запи-сывающее устройство переключило режим. Или ей послы-шалось.

Когда Лея открыла глаза, она была одна. На полу, у стек-лянной стены.

Дверь в палату была закрыта.

Красный огонёк камеры снова горел ровным, немигаю-щим светом, словно циничный глаз, только что наблюдав-ший за её самым глубоким унижением.

Но он помог ей пережить это достойно.

Хотя в этой липкой тишине после бури, её разум, на се-кунду освободившись от всепоглощающего желания, набро-сился на другое, более привычное чувство – ярость.

Но теперь это была не ярость на Сайласа, не на яд, не на своё тело. Это была старая, холодная, закалённая годами

ярость на систему. На ту самую, что сейчас наблюдала за ней. И у этой ярости было имя, лицо и история.

Фокус: Лея Соларис. Ярость как щит.

Аркинитка из обедневшей, но гордой семьи. Не нищая, но вечно балансирующая на лезвии между статусом и бездной. Её семья когда-то была ближе к Магословам, но «испортила кровь» – этот удобный ярлык для смешанных браков и угасания дара. Они держались за свой урезанный статус изо всех сил, зубами и когтями цепляясь за края социальной пропасти.

Отсюда её ярость. Не юношеский максимализм, а холодное, ежедневное знание. Она видела механизм несправедливости изнутри, из «среднего класса», чья главная функция – служить буфером и пушечным мясом для тех, кто наверху.

Её обострённое чувство справедливости было не добродетелью, а выживанием. Если уж законы существуют, они должны работать. Должны, черт бы их побрал! Иначе всё – ложь, а они – просто скот в стойле с иллюзией порядка.

Её отец, талантливый аркинит-трансмутатор работал на периферии «Антероса». Не изобретал эликсиры вечной жизни. Нет. Он нашёл способ удешевить производство базовых лечебных сывороток для Бескровных. Сделать лекарство доступнее.

Вместо благодарности – обвинение в «промышленном шпионаже» и «подрыве экономической стабильности». Не

Магослов – всего лишь Арканит, да ещё и со «смешанной кровью».

Идеальная цель для показательного наказания.

Его магическую лицензию аннулировали одной подписью в «Антеросе». Семья оказалась на грани падения в ту самую бездну, из которой отец пытался вытащить других.

Лея видела два пути. Смириться – стать мелким клерком, наблюдать, как отец медленно гаснет, растворяя свой гений в дешёвом спирте от бессилия.

Или.

Встроиться в самую жёсткую, самую беспощадную структуру системы – Аркан-Инквизицию. Не для того, чтобы служить ей слепо. А чтобы изнутри, по всем их правилам, заставить эту систему работать так, как обещано.

Чтобы больше ни один... Роу не мог сломать жизнь человека одной «вшивой бумажкой» – протоколом, вердиктом, приказом.

Она выбрала второе. Её оружием стали процедуры. Её броней – перфекционизм. Её верой – то, что, если играть строго по правилам, можно победить.

И теперь эта самая система, чьи правила она свято чтит, запирает её в хорошо просматриваемый ящик. Тот самый «Антерос», что сломал её отца, теперь ставит эксперимент над ней. А доктор Роу был лишь новым лицом той же бес-

человечной машины. Его протоколы, наблюдения, научный интерес – тот же самый росчерк пера, та же самая «вшивая бумажка», только теперь применённая к её плоти и психике.

Ярость закипала в ней, горькая и очищающая. Она поднималась сквозь остатки химического тумана, как стальной стержень.

Стыд? Да. Беспомощность? Ещё как.

Но теперь к ним примешивалось нечто иное. Признание врага.

Это была не абстрактная «система». Пока это был конкретный Роу. Конкретная корпорация «Антерос». Они сломали её отца. Теперь пытались сломать её и Сайласа.

«Хорошо, – думала она, глядя на красный огонёк. – Вы хотите данных? Вы хотите увидеть, как ломаются ваши инструменты?»

Медленно поднялась с пола, ощущая дрожь в ногах, но уже не только от слабости. В её глазах, влажных от слёз напряжения, вспыхнул новый огонь. Огонь не желания, а решимости.

Они думали, что имеют дело с жертвой. С объектом. С арканиткой, которая должна сломаться и предоставить им свои показания.

«Ошибаетесь, – подумала Лея, вытирая тыльной стороной ладони щеку. – Вы имеете дело с инквизитором. И я знаю ваши правила. А значит, рано или поздно, я найду, как сыграть против вас по ним же».

Её личная война только что обрела новый, чёткий фронт. И на этом фронте её ярость была не слабостью, а единственным оружием, которое у неё пока оставалось.

...

Снаружи, в коридоре, Сайлас Вейл, человек с титановой волей, прислонился лбом к холодной стене, а не бил в неё. Его тело тряслось от беззвучной, всепоглощающей ярости.

Он подавлял в себе ураган, который она в нём разбудила, и ураган, который они в него впустили. «Плеть» трещала, фиксируя повреждения. Но сейчас его бесило не это.

Перед ним, отражённый в полированной поверхности стены, стоял доктор Роу. Он улыбался. Той самой маслянистой, довольной улыбкой, от которой у Сайласа всегда сводило скулы.

– Потрясающе, инквизитор Вейл. Поистине, поэтично. И... крайне информативно. Ваши метафоры выдали больше, чем полчаса стимуляции. Спасибо за сотрудничество. Данные по «эмпатичному ведению» объекта будут бесценны для наших... социальных программ.

Сайлас не обернулся. Чувствовал на спине его взгляд, как

прикосновение скальпеля.

– Пик ещё не наступил, – продолжил Роу, делая пометку на планшете. – А трещины в вашем контроле уже такие живописные. Интересно, что вы сделаете, когда она действительно попросит не слов, а действий? Всё ради науки, конечно. И безопасности Корпорации.

Пик ещё не наступил.

Они оба это знали.

И эта тихая, взрывоопасная близость была лишь прелюдией.

Война в его крови и в этом стерильном коридоре. Удастся ли ему, сломанному инструменту, использовать свою поломку, чтобы нарушить работу хоть одной шестерёнки в этой бесчеловечной машине?

Глава 5. Вектор притяжения

Измерения проводились в гнетущей тишине, нарушаемой лишь слабым писком сенсоров и монотонным голосом техника Джарвиса. Лея заметила, что Илвы не было.

– Нейронная активность в пределах допустимых пределов, но демонстрирует циклические пики, характерные для фазы усиленного поиска партнёра, – бубнил Джарвис, даже не глядя на неё.

Лея закатила глаза, чувствуя, как под кожей снова начинается знакомый, сладкий зуд.

– А учитывая повышенный метаболизм, рекомендую увеличить гидратацию... для поддержания оптимального состояния объекта наблюдения.

Второй раз за последний час.

Объекта.

Лея снова закатила глаза и встретила взгляд Сайласа. Он стоял у прозрачной стены, опершись плечом о холодную поверхность, в уголке рта играла едва уловимая, кривая усмешка. Взгляды, которые Вейл периодически бросал на Джарвиса, были холодны, как лезвие. Мужчина посмотрел на неё впервые с тех пор, как она вышла из дезкамеры... после того, что им пришлось сделать.

Неловкость накрыла их, как только волна искусственного вожделения схлынула, оставив после себя лишь смутную,

липкую память об ощущениях. И осознание, что их самое приватное взаимодействие было зафиксировано, проанализировано и, наверняка, разложено на графики в отчёте Роу.

Они позволили этому случиться.

Но Лея напоминала себе, что это был не просто тактический ход.

Это был маленький бунт. Средство для восстановления минимального контроля над ситуацией вопреки их сценарию. Для него это... Она не была уверена. Было ли это протоколом? Или его личным, отчаянным решением дать ей передышку, даже ценой предоставления системы ценных данных?

– Вы абсолютно уверены, что ей нельзя ввести блокатор синаптических связей или хотя бы седатив? – голос Сайласа был ровным, профессиональным, но в нём слышался стальной подтекст. – Это могло бы снизить нагрузку на её нейросеть и значительно упростить процесс наблюдения, минимизировав внешние переменные. Разве не в этом задача чистой науки?

Слова задели своей двойственностью.

Да, беспробудный сон был бы логичным решением.

Но услышать это от него... звучало так, будто он предлагал их методы. Или тонко намекал, насколько тот жаждет удобного, обездвиженного образца.

Как будто её активное, страдающее присутствие было проблемой не для него, а для них.

– Боюсь, это слишком рискованно, – ответил Джарвис, пряча голографический планшет под мышку. – Мы не можем предсказать реакцию наномицетов на химическое подавление сознания. Протокол «Сирена-Нуль» требует сохранения когнитивных функций объекта для изучения полноценного спектра реакций. Чуть позже вам доставят питательный раствор с добавками, стабилизирующими метаболизм, и проведут повторный замер биометрии... – Лея фыркнула и покачала головой. Стабилизирующими. Или подстёгивающими? – А до тех пор просто... Ну, знаете... Соблюдайте предписания.

– Постараемся не нарушить статью 7-А Устава о биоэтике, – сухо парировал Сайлас, отчего у Леи по спине пробежали холодные мурашки. Он произнёс это так, словно цитировал похабный анекдот. – Не беспокойтесь, техномаг Джарвис. Мы досконально осознаём рамки дозволенного. Особенно те, что прописаны в корпоративных директивах «Антероса».

Джарвис сжал губы, что-то неразборчиво пробормотал и покинул комнату, оставив их в густом, звенящем молчании. На его месте у двери на мгновение показалась Илва.

Она быстро сунула руку в карман халата, будто поправляя

что-то, и кивнула Лее – коротко, почти неуловимо.

Лея снова заметила край того шрама на запястье. Илва перехватила её взгляд и на секунду задержалась, словно давая себя рассмотреть. «Я тоже была там», – говорил этот жест. «Я знаю, через что вы проходите».

Потом исчезла.

Когда Лея опустила взгляд, на полу у порога лежала свёрнутая в трубочку бумажная полоска – немыслимый анахронизм в этом цифровом аду.

Статья 7-А Устава о биоэтике... Лея прокрутила в голове знакомые параграфы. Один из немногих пунктов, написанных, кажется, не для отчёта, а для реальной защиты. «Недопустимо использование служебного положения для принуждения к действиям, нарушающим личные границы». Она хмыкнула. Красиво звучит. Особенно здесь, где их личные границы стали главным полем боя в корпоративном эксперименте. Вейл – её «карантинный офицер» – сейчас, возможно, единственный, кто эти границы уважает. А система, написавшая этот устав, планомерно их уничтожает. Где же тут этика?

Лея решила отвлечься. Подняла бумажку, развернула её под столом. Надпись была выведена химическим карандашом, бисерным почерком: «Вент. блок. с 22:00. Данные идут прямо Роу. Он ждёт срыва В. Мать В. – тест-субъект «Эхо». Ваш отец – не случайность. Ищите модуль «Ключ» в системе жизнеобеспечения. Откл. = 5 мин. помех. Илва.»

Сердце Леи бешено заколотилось.

«Мать В. – тест-субъект «Эхо». Это подтверждало худшие подозрения.

«Ваш отец – не случайность». Сжала бумажку в кулаке, чувствуя, как ярость придаёт ей сил бороться с другим, химическим огнём.

Илва. Техномаг с номером вместо имени. Женщина со шрамом на запястье. Лея вдруг отчётливо представила её молодой, с такими же горящими глазами, какой она сама пришла в Инквизицию. До того, как «Антерос» поставил на ней свой эксперимент. До того, как сделал из неё винтик, который теперь, спустя годы, находит в себе смелость саботировать систему изнутри.

Модуль «Ключ». Пятнадцать минут помех.

Это был шанс. Маленький, но шанс. И Илва отдала им его ценой собственной безопасности.

Она заснула, едва выйдя из дезкамеры, а он, должно быть, молча наблюдал за ней из своего кресла-наблюдателя. Наблюдал или охранял?

Сон принёс желанную передышку, но пробуждение вернуло всё на круги своя: назойливая пульсация, жар, обострённое восприятие. И теперь – план. Туманный, опасный, но

план.

Однако говорить об этом с Сайласом она не собиралась. Не здесь. Не под камерами. Пусть сам почувствует новый всплеск её биофона.

Просить его о помощи снова было немислимо. Унизительно. И опасно для них обоих.

Но очень соблазнительно... Выдержит ли он ещё один раунд?

Напряжение между ними было осязаемым. То, что он говорил, и то, как он это говорил – низко, хрипло, срываясь на почти животные интонации – прожигало её изнутри даже сейчас. Все тело жаждало продолжения.

И её разум, подогреваемый яростью и надеждой на саботаж, начинал видеть в этом не только слабость, но и возможное оружие. Смутное, рискованное.

Сближение могло быть не только уступкой яду, но и способом тайного сговора.

Безумие? Вероятно.

Как она вообще допустила его возникновение? Проще было добиться взаимности от офисной микроволновки!

Но микроволновка не сломала бы нос контрабандисту, шипевшему ей в ухо гадости. Не стояла бы сейчас над ней, изображая стражника, но на деле являясь такой же жертвой, заложником в этом стеклянном полупрозрачном аду.

...

Лея привыкла к напарникам, которые следуют уставу. Кто вызывает подкрепление, заполняет формы в три экземпляра, действует с оглядкой на карьеру.

А потом появился он.

Девушка вспомнила, как они брали фальшивомонетчика магических печатей. Он сбывал подделки в борделе для Магословов. Тайном, разумеется. По плану – окружение, переговоры, захват.

Ее напарник вошёл внутрь под видом клиента. Через семь минут из окна третьего этажа вылетело тело подозреваемого, аккуратно завернутое в ковёр... Вейл вышел через парадную дверь, держа в руке не только оригинальные печати, но и полный список заказчиков.

Выражение такого ледяного, глубокого презрения на лице, что даже у Леи, видевшей всякое, похолодело внутри. Он ненавидел этот мир торгашей и подонков. Так же, как и она.

– Зачем ковёр? – спросила Лея, не зная, о чем еще спросить. Или боясь...

– Эстетика, – ответил он. – Чтобы не пачкать тротуар. И чтобы им было страшно. Страх – иррациональный фактор. Он ломает логику и заставляет делать ошибки.

Невыносимо. Даже не жестокость, а какая-то сверхъестественная, пугающая целесообразность.

Целесообразность человека, который давно перестал видеть в этой системе что-то священное и играет против неё её же грязными правилами.

Но все равно служит ей. Как и она сама.

Наблюдение за работой идеального механизма... завораживало. Где-то на подсознании Лея даже иногда азартно прикидывала – что же он выкинет в следующий раз?

Вейл был воплощением того, против чего она формально боролась, и тем, в чём она тайно нуждалась, чтобы выжить в этой борьбе. Живой щит. Живое оружие. И человек, который видел трещины в фасаде.

...

Копаясь в капсуле, девушка заметила, как он поднялся с кресла и потянулся, закинув руки за голову. Сухожилия на шее напряглись.

Вновь она осознала, насколько он огромен и физически подавляющ. И насколько одинок в этой своей силе. Такой же одинокий, как она в своей принципиальности.

– Твоё нижнее белье я, кажется, упустил из виду, – голос вывел её из раздумий. Он стоял ближе, засунув руки в карманы. – Но взял одну из твоих футболок. Предположил, что

используешь как домашнюю одежду, учитывая её... нефункциональный для публичных мест вид.

– О да, я и забыла, что ты наш главный эксперт по женскому гардеробу, – парировала Лея с сарказмом.

– У меня сформировались определённые визуальные предпочтения, Соларис, – его голос прозвучал нарочито медленно. – Женщины вольны носить что угодно. Но я знаю, что цепляет мой взгляд.

Лея повернулась к нему.

– Дай угадаю... Корсеты из кожаной сети и аркано-подвязки?

Сайлас усмехнулся.

– Не стал бы возражать. – Провёл рукой по затылку, делая шаг ближе. – Но мне больше импонирует прямой крой. Платье-футляр. – Он пробормотал это почти себе под нос, но она расслышала и замерла.

Кровь прилила к щекам.

Это был не просто комплимент. Это было признание. Признание того, что он видел. Запоминал. И, возможно, хотел. Ещё до... всего этого.

Рукава его простой серой футболки были закатаны. Девушка видела рельеф мышц предплечий. Он уставился в пол, словно сожалея о сказанном. Или, сожалея, что сказал это здесь, под камерами, где любое проявление личного могло быть использовано против них.

Лея была рада, что он не смотрит – так было проще скрыть, как его слова всколыхнули в ней давно забытые образы. И новую, опасную мысль – а что, если их влечение – не ошибка, не слабость, а та самая трещина в системе, через которую можно сбежать? Что, если эта химия – лишь ускоритель того, что уже тлело?

Девушка вспомнила то платье.

...

Однажды она надела такое на работу.

Обычно – практичные брюки из умной ткани, редко – свободные штаны. Но в тот день все ее вещи были в стирке, а из арендованного гардероба у соседки по лестничной клетке и коллеги, Лины, ничего путного не нашлось, кроме одного предмета.

Черное платье-футляр из плотного полимера. Сковывало движения, непривычно облекая бедра. Лина, ухмыляясь, заявила, что оно шикарно подчеркивает грудь и талию. «А уж о заднице и говорить нечего!». Ее откровенные формулировки часто заставляли девушку краснеть.

Лея чувствовала себя скованной, лишенной привычной свободы. Как в этом вообще ходят?

Сочетать пришлось с низкими ботинками на шнуровке. Консервативно. На каблуках она привлекла бы слишком много внимания, хотя... куда уж больше. Ее никто в такой одежде на работе видеть не привык.

Еще как на зло из-за духоты в системе вентиляции сектора Лея расстегнула верхние застёжки на платье, и несколько непослушных прядей выбились из строгого узла на затылке.

Идя по коридору отдела в то утро, она уловила больше, чем обычно, кивков и взглядов, задержавшихся на ней дольше положенного.

Лея тысячу раз прокляла это платье и его легкомысленную владелицу.

Неужели все так привыкли к ее утилитарному облику, что малейшее отклонение вызывало переполох? Люди настолько поверхностны?

– Инквизитор Соларис! – прогремел голос Галена Роука, оперативника из смежного отдела. – Вы как раз та, кто мне нужен... – Его улыбка была слишком широкой, когда он быстро приближался.

Роук был неплохим специалистом, но имел привычку отпускать двусмысленные шутки, которые давно перестали быть смешными. Лея относилась к нему терпимо, пока его болтовню можно было игнорировать.

– Инквизитор Роук, полагаю, вам следует обсудить это с

Вейлом, – вежливо, но твердо парировала она, даже не желая слушать, поворачивая к кабинету и молясь, чтобы Сайлас там еще не было, и она успеет трансмутировать хотя бы низ платья во что-то менее вызывающее.

Удача была не на ее стороне.

Сайлас сидел за своим терминалом. На переносице – очки с дисплеем. Изучал поток данных о взломе банковского узла. Свет от экрана выхватывал резкие черты его лица. Мужчина провел рукой по коротко стриженным темным волосам – привычный жест, когда он погружен в анализ.

Лея прикусила губу, глядя на его сконцентрированную позу. Он был таким... монолитным.

– Соларис, – бросил он, не отрываясь от экрана, когда та поставила сумку на свой стол.

Не взглянул на нее.

Лея повернулась к нему спиной и услышала за спиной резкий, короткий выдох. Обернувшись, увидела, что он по-прежнему сидел, уткнувшись в данные.

– Доброе утро, Вей... – начала она, хмурясь.

– Сайлас, не знал, что ты уже здесь! – перебил Роук, входя в кабинет. Его взгляд снова скользнул по Лее с откровенным интересом. – Я как раз говорил инквизитору Соларис, что мне может понадобится ее экспертиза...

– Она не заинтересована, Роук, – ровно произнес Сайлас, наконец отрывая взгляд от экрана. – Соларис не вступает в личные отношения с коллегами. Твои шансы равны нулю.

Лея фыркнула и взяла стопку файлов со своего стола.

Почувствовала, как его взгляд на секунду упал на нее. Это была самая долгая секунда. Девушка услышала, как скрипнуло кресло, когда он откинулся.

– Кажется, я никогда публично не высказывалась против таких отношений, – сказала она, не оборачиваясь. – Частная жизнь коллег – их дело, пока она не мешает работе.

Роук рассмеялся.

Сайлас – нет.

И на кой черт она это сказала! Лея и правда не видела в этом проблемы. Но Роук, этот идиот, может принять это за сигнал к активным действиям.

Девушка невольно вспомнила тогда, как про себя критиковала Сайласа за его короткий, но слишком публичный роман с аналитиком из архива, Эвой. От перешептываний в лифте об их отношениях у нее возникало странное раздражение. И то, как девица часто висла на нем в коридоре, думая, что никто не видит. Или гладила его предплечья в столовой, томно надувая губы. Он благосклонно сносил все эти приставания, не проявляя, впрочем, и пяти процентов от тех бурных эмоций, которые выплескивала на него Эва.

Тогда Лея еще не осознавала причин своего раздражения, списывая на неприязнь к непрофессионализму.

К счастью, это быстро закончилось.

Для Сайласа это должно было быть рядовым эпизодом, но с Эвой он вел себя иначе – менее закрыто. Возможно, она ему действительно нравилась. И это заставило Лею осознать смутное недовольство, копошившееся в ней.

– Я не собирался врываться с предложением, – парировал Роук. – Просто хотел узнать, не просмотрит ли она мой отчет по делу о контрабанде кода? – Его глаза хищно блеснули.

Лея кивнула.

– Конечно. – Она приняла от него электронный планшет.

– Хотя, если она не против, я готов к более интенсивному сотрудничеству, – сказал Роук, подмигнув. – Перевести его в горизонтальную плоскость, хе-хе.

Лея лишь закатила глаза и покачала головой.

– Осторожней, Гален.

– Извращенец, – без эмоций констатировал Сайлас.

– Попытка – не пытка! – Роук пожал плечами и направился к выходу, но на пороге обернулся.

– Кстати, инквизитор Соларис, – он снова подмигнул. – Стильное платье, шикарно облегает попку. Ты согласен, Сай-

лас? – Его взгляд был вызывающим. Затем он вышел.

Лея покраснела.

Боялась взглянуть на Вейла, но он лишь усмехнулся и вернулся к данным, никак не прокомментировав вопрос Роука.

Лея сделала несколько успокаивающих вдохов и села за терминал.

– Он та еще мразь, – раздался ровный голос Сайласа.

– Я в курсе, – ответила Лея, бросая на него взгляд.

– Настоящий мужчина никогда бы не стал комментировать твою одежду и особенности тела вслух, – произнес он так тихо, что она едва расслышала. Снял очки, потер переносицу. – Он бы заметил про себя. И надеялся, что когда-нибудь обстоятельства позволят поднять эту тему... иначе.

Тишина в кабинете стала густой.

На следующий день Лея надела обычные брюки, и Сайлас снова смог спокойно смотреть на нее.

... и только сейчас она понимала – Сайлас Вейл не был похож на других мужчин. Он никогда не паялся, не отпускал похабных шуток. Это был первый и единственный раз, когда он хоть как-то прокомментировал ее внешность, и это был комментарий о почтительности, а не об объективации.

В тот день она шла на работу, ожидая колких замечаний, но получила лишь молчаливое, почтительное расстояние.

...

И вот Вейл напомнил ей. Ту ситуацию с Роуком. Как Сайлас тогда сказал: «Он бы заметил про себя. И надеялся, что когда-нибудь обстоятельства позволят поднять эту тему... иначе».

Обстоятельства позволили.

Чёртовы обстоятельства устроили им эту адскую лабораторию свиданий.

И теперь он поднял эту тему. Косвенно, но поднял.

– Ты захватил мою зубную щётку, – сказала она, пытаясь сменить тему, заметив его напряжённость. Продолжая рыться в капсуле, замерла. – И книгу... – Не просто книгу. Тот самый сборник запрещённых магословских поэм. Книгу, которую она упомянула в разговоре лишь однажды, полгода назад.

– Во-первых, гигиена важна, – отозвался он. – Во-вторых, я не хотел, чтобы тебе пришлось коротать время в разговорах со мной. Это ведь утомительно, не так ли?

Он запомнил. Он действительно слушал. Неловкость растаяла, сменившись чем-то тёплым и щемящим даже сквозь химический пожар.

Девушка заметила стопку планшетов на тумбочке с его стороны, прежде чем он подошёл и устроился у изголовья, заняв свою территорию.

Мысль о том, что он будет лежать так близко, заставила её сердце биться чаще.

Они будут делить пространство этой кровати. И, возможно, не только пространство. Но и врага. И тайну. И ярость.

– Я... помню, ты цитировала отрывки на том приёме, – Сайлас указал на книгу. – «Стальные сны под пеплом неба»... Ты спорила с архивариусом о двойственности образа Пламени-Разрушителя и Пламени-Возрождения.

Вейл пересказал суть её аргументов так, будто записал их на чип. Будто это было важно.

Мужчина нахмурился.

– Плеть Безмолвия, – произнёс Сайлас, уловив её недоумение. – Начал выстраивать барьеры, как только ты... – запнулся. – Выйдешь из камеры. Чем раньше начать, тем проще будет удержать контроль в следующий раз... – По его скулам пробежал лёгкий румянец.

Он готовился к бою. К их общему бою. И, кажется, стыдился не слабости, а того, что ему пришлось к нему готовиться, как к сражению с равным противником. А не с беспомощной жертвой.

– Спасибо, – прошептала она, доставая футболку. Спасибо за книгу. За память. За то, что не смотришь на меня как

на «объект», даже когда вынужден это делать.

Сайлас кивнул и углубился в данные на планшете. Но она заметила, что он не включил его. Он просто смотрел на тёмный экран, его пальцы были неподвижны. Он ждал. Как и она.

Воздух снова начал сгущаться, но на этот раз не от неловкости.

Между ними повисло тяжёлое, пульсирующее ожидание. Химического шторма и чего-то иного. Возможности. Сговора. Шага в темноту, который они, возможно, сделают вместе.

Им оставалось только ждать, когда шторм внутри них снова наберёт силу.

И когда наступит момент – в 22:00 вентиляция заблокируется, и у них будет пятнадцать минут. Пятнадцать минут без глаз «Антероса». Пятнадцать минут, чтобы перестать быть объектами и стать союзниками.

Глава 6. Мне нужно больше

Фокус: Сайлас Вейл. Внешний конфликт: Активное управление экспериментом.

Лея почти дочитала поэму до кульминационного четверостишия, когда он почувствовал первые признаки. Не по запаху – Вейл заблокировал обонятельные анализаторы ещё утром, после первого выброса. Он почуял изменение давления в комнате. Слабый, направленный гул, неслышимый для обычного уха. Система жизнеобеспечения перешла на другой режим.

Интерфейс его очков, обычно статичный, выдал серию предупреждений на периферии зрения:

ВНЕШНЯЯ СИНХРОНИЗАЦИЯ: АКТИВНА. КАНАЛ: ЭМПАТИЧЕСКИЙ РЕЗОНАНС.

ЦЕЛЕВОЙ ОБЪЕКТ: СОЛАРИС Л.

КОРРЕКТИРУЮЩИЕ ИМПУЛЬСЫ: НАЧАТО ВНЕДРЕНИЕ.

Они не просто наблюдали. Они дирижировали. Через скрытые излучатели в стенах шёл точечный, избирательный импульс, раскачивая и без того бушующие в Лее нейробиохимические бури.

Сайлас заставил себя дышать ровно, но внутри всё сжа-

лось в ледяной, яростный комок. Так же они «настраивали» его мать. Тихий яд, впрыскиваемый по расписанию.

Через двадцать минут её биоэлектрическое поле, которое он отслеживал на интуитивном, почти магическом уровне – влияние «Плети», которое не заглушить, забилося в панической, сладкой аритмии. Она ёрзала на матрасе, пытаясь найти удобное положение, которого для нее сейчас не существовало.

А он сидел рядом, спина прямая как клинок. Чувствовал исходящее от неё тепло, и собственная система, вопреки всем фильтрам, переводила фоновые данные в сухой, жестокий отчёт – кортизол, адреналин, окситоцин, дофамин... Показатели, сопоставимые с ситуацией заложника при штурме.

«Уровень адреналина сопоставим с инцидентом на орбитальной верфи «Хаос», – прошептал внутренний голос анализа.

Пять месяцев назад. Одна из их первых совместных вылазок. Пиратское логово на заброшенной станции.

Она, следуя уставу до буквы, попыталась взять главаря живым для допроса. Тот, ухмыльнувшись, выстрелил ей в голову из запрещённого импульсного дисраптора – оружия, которое должно было остаться в арсеналах Магословов после Восстания Бескровных.

Щит выдержал, но импульс отбросил её к краю разгерме-

тизированного шлюза, в зону нулевой гравитации.

Сайлас не крикнул, не бросился.

Рассчитал траекторию с холодной точностью, используя запрещённые для Арканитов формулы гравитационного отклонения – те самые, что его мать когда-то выводила на стене своей комнаты в минуты просветления. Выстрелил гарпуном в пирата, вторым – в несущую балку над ней, создав маятник. Через 2,3 секунды трос обхватил её талию и притянул к нему.

«Сохранение оперативного ресурса приоритетнее захвата цели, не соответствующей классу угрозы», – сказал он, пока она отходила от шока, тонкие бледные пальцы впивались в его предплечье.

Соларис тогда не сказала «спасибо». Выдавила что-то в духе: «Как мило с твоей стороны. Наверное, в протоколе есть пункт про эстетику спасения».

Теперь, глядя на её покрасневшую кожу, он понимал – её организм реагировал на него с той же силой, что и на смертельную опасность. Только химический состав был иным. Дофамин вместо чистого страха. Влечение вместо паники. Одно и то же физиологическое цунами, спровоцированное

извне. Он был для неё и спасением, и угрозой, и самым желанным якорем в этом шторме.

Девушка не смотрела на него. Он бы сразу это заметил по движению зрачков, зафиксированному камерами очков.

Не хотела давать повода. Или не хотела видеть в его глазах того же расчёта, что был на верфи?

Сайлас обещал помочь, но в прошлый раз между ними была перегородка. На этот раз он знал – одних слов будет недостаточно.

Ей понадобится больше. Её чувства, подстёгиваемые извне, обострились до болезненного предела.

– Активируй контур терморегуляции, – его голос прозвучал неестественно напряжённо, заставив её замереть. Он видел, как тонкие пальцы вцепились в корешок книги, в запретные поэмы. – И прими крио-душ. Сейчас.

Сайлас почти позавидовал её возможности просто поддаться, сломаться, стать тем «объектом», каким они её хотят видеть. Он же был собран, как титановый трос, каждое звено воли натянуто до предела, чтобы не дать им лишних данных. А она... была хаосом, воплощённым в мягких линиях и тёплой коже, закутанной в старую футболку. На её лбу выступила испарина. Контраст был раздражающе... притягательным. И неестественным, как плохая театральная постановка.

– И куда бы я без твоих мудрых указаний, – проворчала

девушка, скрестив руки, но в её глазах читался не вызов, а мольба. – Мистер «мои эмоции под нулевым кэшем».

Мужчина напряжённо покачал головой, сдерживая импульс не схватить её, а заслонить – своим телом перекрыть ей обзор камер, спрятать от их циничных датчиков.

– Не надо, – сказал он, и в его голосе впервые прозвучала не металлическая ровность, а усталость. – Не начинай. Они слушают не только показания. Они слушают тональность. Им нужны трещины.

Она вскочила с кровати и сбросила футболку через голову, оставшись в одних трусиках. Подойдя к двери дезкамеры, сорвала резинку, и тёмные локоны рассыпались по спине, скрывая от камер выражение её лица.

Даже не взглянула на него.

Чёртов провокационный расчёт. Или отчаяние?

– Ради всех аркан, – он выдохнул сквозь зубы, всё ещё сидя на кровати, чувствуя, как под натиском её биофона и внешнего импульса в висках начинается глухая, знакомая боль. Боль его матери. – Ты нарочно...

Девушка слышала его, но не обернулась, и он поймал на её губах, в отражении в стеклянной стене, не улыбку, а оскал – звериный, полный ярости и стыда. Её броня, принципы, титановое «по уставу» – всё трещало по швам, и она, возможно, надеялась, что его железный контроль даст ту же трещи-

ну. Чтобы не быть одной в этом падении.

Интерфейс очков беспристрастно сообщил о скачке пульса и критическом мышечном напряжении.

Он стёр уведомление.

...

Мастурбировать в крио-душе было ошибкой.

Он знал это, анализируя звуковые паттерны и продолжительность её отсутствия. Ей не удалось достичь катарсиса – внешний импульс смещал фокус, не давая нервной системе разрядиться, удерживая её на крючке.

Теперь её состояние ухудшилось. Биофон стал не просто хаотичным – он был искажён, как сигнал под помехами. В нём читалась не только потребность, но и смутная, животная паника существа, которого водят по кругу.

Лея вышла, её запах ударил ему в лицо, пробиваясь сквозь ослабленные фильтры – дикий, концентрированный, невероятно притягательный на том первобытном уровне, который «Антерос» и стремился изучить. Он застонал, не в силах сдержать физиологическую реакцию – не столько на неё, сколько на совершенство их чудовищного инструмента.

Лея стояла в дверном проёме, мокрая, в одной футболке, волосы тёмными змеями лежали на плечах. Выглядела... разбитой. И прекрасной. Сущностью, вылепленной из чисто-

го, неконтролируемого желания и отчаянной воли. Его тело отозвалось немым, мощным рыком одобрения где-то в основании позвоночника. Предательское тело.

Мужчина замер, глядя на неё. Взгляд был отстранённым, аналитическим, но внутри все барьеры, все шлюзы «Плети» трещали под напором двойного удара – изнутри и снаружи.

Он испытывал её на прочность, и её броня прогибалась.

Девушка подошла к кровати и села, поджав под себя ноги, поправила футболку. Прохладный воздух комнаты, должно быть, принёс ей кратковременное облегчение, но её пальцы дрожали.

– У меня не вышло, – прошептала она. Голос был хриплым, надтреснутым, как у человека после долгого крика. – Мне нужно больше, чем... я могу дать себе сама. Мне нужен... проводник. Настоящий. Не голос из темноты.

Вейл видел, как в её глазах, помутневших от желания, вспыхнула искра сознательной решимости.

Она не просто просила. Предлагала сделку.

Он сделал шаг вперёд, взгляд прилип к её обнажённым ногам, к тому месту, где ткань футболки задиралась, открывая шрам на бедре – след от шрапнели во время облавы в Нижнем городе. Шрам, который он когда-то обрабатывал, соблюдая дистанцию. Теперь эта дистанция таяла.

– Тебя не пугает перспектива утраты контроля? – спросил он, возвышаясь над ней, её природный запах опьянял, сме-

шиваясь с запахом шампуня. – Хочешь передать его тому, кто... способен удержать? Или симулировать удержание?

Последняя фраза была выдохнута почти беззвучно, лишь для неё. Симулировать. Ключевое слово. Он спрашивал не как охранник. Спрашивал как сообщник.

– Да, – шёпот был похож на царапанье по металлу. Девушка смотрела на него снизу вверх, и в её взгляде теперь читался не только туман, но и острый, вопрошающий разум. – Если это будет кто-то, кому я доверяю. Например, ты. – Не атака. Признание. И предложение альянса.

Вейл слышал только собственный, неестественно учащённый пульс в ушах. И далёкий, едва уловимый щелчок в динамике – Роу переключил канал наблюдения на приоритетный. Занавес поднялся. Пора играть.

– Твои очки, – выдохнула она, прикусив губу до белизны. Он нахмурился. – Ты можешь... – Она покачала головой, сжала бёдра, и её движение было уже не полностью спонтанным. В нём была театральность. – Пожалуйста, сними очки.

– Очки? Почему... – он начал автоматически, но понял. Очки – его прямой интерфейс с системой «Антероса». Камеры, датчики, анализ микромимики. Снять их – не просто жест близости. Это акт саботажа. Ослепить их, чтобы получить крошечное поле для манёвра.

– Они действуют на меня, – прошептала она, и новая, нарочито сильная волна её возбуждения докатилась до него. – Всегда действовали. Мне нравилось, когда ты в них. Такой...

недоступный. Сосредоточенный на работе. А сейчас... сейчас они мешают мне видеть тебя.

Он почти рыкнул – на этот раз звук был настоящим, из груди, – и опустился перед ней на колени.

Позволил себе это. Тактическая уступка, видимая жертва контролем. И немой вопрос: Ты понимаешь правила этой игры?

– Соларис, не делай этого... – голос был сдавлен, но в его глазах, которые она наконец видела без искажения линз, горел не страх, а азарт. – Ты не представляешь, как твои слова... влияют на меня.

Лея тяжело сглотнула. Этот невероятный, сломанный, сильный мужчина стоял перед ней на коленях, как солдат, принимающий присягу на новых, тайных знамёнах. Она едва не раздвинула ноги, но остановила себя. Протокол. Они должны видеть борьбу.

– Вейл... – прошипела она, и в этом шипении был стон и приказ. – Мне нужно, чтобы ко мне прикасались... – покажи им, что ты почти сломался. Она прикусила губу и потёрла бёдрами друг об друга. – Пожалуйста...

В его глазах вспыхнула решимость. Приподнялся, их лица оказались на одном уровне, он сел на кровать рядом, его тело излучало напряжение сжатой пружины.

– Соларис, контроль – моя базовая функция, – сказал он, глядя ей прямо в глаза, и в его взгляде был код: Я веду их

за собой. – Постараюсь его не утратить. Но ты не должна требовать невозможного. От себя.

Лея кивнула, взгляд прояснился на долю секунды. Она поняла.

– Я буду каждый раз спрашивать разрешения перед прикосновением. Понятно? – Его тон был как у инструктора, но его рука, лежавшая на одеяле, сжалась в кулак. – Я не использую твоё состояние.

«Я использую их сценарий».

Она издала разочарованный стон – и на этот раз в нём была доля настоящего отчаяния. Играть, когда каждое слово, каждый взгляд разжигает настоящий пожар, было пыткой.

– Но ты можешь прикасаться ко мне, – сказал он, зажмурившись, отдаваясь волне химии, которая была уже не полностью искусственной. – Делай всё, что нужно для облегчения состояния. – Давай им данные, но не ключевые. Вейл открыл глаза. Барьеры были ослаблены. Намеренно. – Я в твоём распоряжении, Соларис. Как инструмент. Как щит.

Девушка придвинулась, поднялась, широко раздвинула бедра и опустила к нему на колени. Сама, осторожно, с преувеличенной нежностью сняла с него очки. Уловила вспышку благодарности в его взгляде. Он был свободен от их пристального глаза. Теперь – только её и камеры общего плана.

– Устраним один источник искушения, – прошептала она, бережно откладывая очки на одеяло, прямо в поле зрения

верхней камеры.

– Ничто не устранил искушения, Соларис... – он выдохнул, и его взгляд, теперь неприкрытый, дикий и человеческий, скользнул по футболке. – Чёрт, я потеряю остатки контроля, если ты продолжишь сидеть на мне так... и они этого ждут.

подавшись вперёд, Лея устроилась поудобнее и застонала. Наконец-то.

– Продолжай говорить, Вейл. Скажи... что мне можно делать... по их протоколу.

– Я бы многое хотел сказать, – простонал он, в голосе впервые зазвучала искренняя, неконтролируемая хрипота. – Черт, я не могу оторвать от тебя взгляд... Эта футболка... – он поёрзал бёдрами, позволяя ей сесть ближе. – Прости. Я не должен... – Он резко одёрнул себя, но его руки сами потянулись к её бёдрам. – Могу я прикоснуться?

– Да... – разрешила она, и это «да» прозвучало как выдох облегчения.

Пальцы, горячие и твёрдые, обхватили её бёдра, и он почувствовал, как девушка вздрогнула – неподдельно.

– Ты можешь смотреть, – разрешила она, зная, что ему нужно явное согласие.

– Спасибо, черт побери! – выдохнул Вейл, взгляд стал тяжёлым, изучающим. – Потому что я не думаю, что смог бы оторваться.

Смотрел на ее соски, очерченные под мокрой тканью, и из его груди вырвалось низкое рычание.

– Мне нравится, когда к ним прикасаются, – выдавила Лея. – Могу я представить, что это делаешь ты? – робко спросила она. – Ты не против?

Он закрыл глаза.

В мозгу забилась глупая надежда, что он представляет это.

– Прикоснись к своей груди. Сожми соски пальцами, – приказ прозвучал резко, властно, и волна желания прокатилась по ее телу.

Лея выполнила, и тихий стон вырвался у нее из груди.

– Вот так. Представь, что это мои руки. Мои пальцы.

Она постанывала, сжимая сосок.

– Позволь боли перерасти в наслаждение.

Выгнулась, плотнее прижимаясь к нему.

– Теперь ты. Сними футболку, – капризно попросила она, где-то внутри ужасаясь. Разве когда-то у нее был такой голос? Она ничего подобного за собой не замечала ранее. Или... не было мужчины, который спровоцировал бы такие интонации.

– Не форсируй события, – усмехнулся он, поерзав. – Мы договорились о безопасных рамках.

Лея шире раздвинула ноги, прильнула к его груди.

– Мне нужно увидеть тебя...

Вейл потянул свою футболку вверх, снимая.

Лея смотрела, заворожённая.

Она впервые видела его обнажённым почти полностью. Он был статуей из плоти, стали и шрамов. Мускулы груди, пресс, и... аккуратные, параллельные линии на рёбрах. Следы не боёв. Следы хирургических лазеров. Метки, которые её отец-трансмутатор называл «стресс-маркерами опытных образцов».

Холодок ужаса пронзил химический туман. Её ярость нашла новую точку опоры. Они препарировали его. И теперь делали это с ними обоими.

– Всё, что угодно для тебя. Смотри... Соларис... – тихо произнёс он, и в его голосе она услышала ту же ярость, сплавленную с чем-то нежным и чудовищным. – Скажи, что тебе нужно.

Пока они слушают.

Она перевела взгляд ниже. Очертания под тканью брюк были красноречивы. Желание пульсировало в ней, смешиваясь с яростью и странной, жгучей гордостью – он был её союзником в этой клетке.

– Как думаешь, Вейл, ты смог бы заполнить меня полностью? – прошептала она, глядя на его ключицу, избегая глаз, но её слова были не только провокацией. Они были исследованием границ. Его. Их. – Растянуть?

Он резко вдохнул, и его пальцы впились ей в бёдра.

– Чёрт... Не играй так, Соларис. Это нечестно.

Ты слишком хорошая актриса.

Его ладони скользнули по её рукам, и она почувствовала лёгкую дрожь – настоящую.

– Или, может, ты больше, чем я могу выдержать? – продолжила она, и в голосе задрожала искренняя тревога.

Мужчина застонал, низко, из самой груди.

– Ещё немного, и я потеряю контроль. По-настоящему. Соларис, ты такая маленькая. Боюсь, что причиню тебе боль.

– Я не хрупкая, Вейл. Может, я и миниатюрная, но не сломаюсь. Почему это проблема? – она повысила голос.

Он усмехнулся – криво, беззлобно.

– Не проблема. Мне... – он запнулся, и его взгляд стал откровенным, сбрасывая последние слои оперативной легенды. – Мне нравятся миниатюрные женщины с пышными бёдрами, за которые можно ухватиться. Женщины, которые знают, чего хотят, и позволяют дать им это.

Женщины, которые смотрят в лицо системе и не моргают.

Признание ошеломило. Это не было частью сценария. Это было послание.

– Ты потрогаешь себя для меня? – прошептал он, переворачивая её, укладывая на спину и прижимая к кровати своим весом, загораживая от камеры в углу. Движение было стремительным, но в последний момент он подставил локоть, чтобы не задавить.

Девушка застонала, рука скользнула вниз, и на этот раз в её движении не было театра. Была жгучая, невыносимая потребность, направленная в русло их странного, страшного союза.

– Раздвинь ноги шире. Сделай так, чтобы тебе было приятно, – его голос был у неё над ухом, горячий и срывающийся.

Тонкая рука исчезла под тканью.

– Хорошая девочка, – вырвалось у него, и он внутренне вздрогнул. Это была не его фраза. Это был эхо-импульс, обрывок чужого воспоминания, вытащенный на поверхность ядом и стрессом. Голос техномага, хвалившего его мать за «правильные показания». Отвращение к самому себе стало новым, ледяным якорем.

«Нет. Я не он. Я не они».

– Боги, Вейл... Твои слова... – она застонала, гибкое тело выгнулось.

– Хочу, чтобы тебе было приятно. Проведи пальцами. Вот так. Скользи. Расскажи мне, что чувствуешь, – он говорил,

но его глаза были прикованы к светящимся часам на стене. – Что ты делаешь со мной? – он дрожал, нависая над ней, и его дрожь была самой правдивой вещью в этой комнате. – Так чертовски хорошо... и так чертовски неправильно.

– Хочу, чтобы тебе тоже было... – прошептала она, запустив пальцы в его волосы, и это прикосновение было не частью игры. Оно было утешением.

Мужчина застонал, прижав лоб к её плечу.

– Не переживай. Я представляю... – замолчал, сжав зубы.
– Не знаю, сколько ещё продержусь. Ты близко?

Лея застонала в ответ, её тело напряглось.

– Введи пальцы внутрь.

Она сделала это, её глаза расширились.

– Представь, как я вхожу в тебя, – его шёпот стал грубым, властным, возвращая их обоих в роль.

– О боги...

– Представь, как растягиваю тебя.

– Да. Мне нужно, чтобы меня взяли именно так.

– Быстрее. Представь... – он проглотил слова. – Кто берёт тебя, Лея?

Он снова произнёс её имя. Не «Соларис». Лея. Девушка вздрогнула, погружая пальцы глубже, её дыхание стало пре-

рывистым.

– Так близко...

– Я держусь из последних сил. Хочу, чтобы ты кончила. Как только услышу, как ты кончаешь... – он замолчал, и в его глазах мелькнула не похоть, а стратегия.

Это будет сигналом. Для них. И для нас.

Ради неё. Её удовольствие, её катарсис должен был стать прикрытием. Он не использовал её состояние. Он предлагал использовать его против тех, кто его создал.

– О... боги...

Лея закрыла глаза, представляя его. Но теперь это был не просто образ желания. Это был образ союзника в этой стеклянной тюрьме.

Открыла глаза, сразу опустив их. Мускулистый живот напряжён. Услышала его сдавленный рык.

– Соларис...

Представила, как он легко, резко, без подготовки входит в нее.

Этого союза, этой ярости и этого доверия, было достаточно.

Оргазм накрыл её не сладкой волной, а сокрушительным, тихим взрывом. Она вскрикнула, от освобождения. От яро-

сти, нашедшей выход. Хваталась за его плечо, ногти впивались в кожу, оставляя полумесяцы.

Мужчина резко прижал её к себе, слегка опускаясь вниз, прижимая своим весом, скрывая её лицо от камер. Горячий. Надёжный. Её.

– Чёрт... Лея...

– Вейл... Да!

– Вот и всё... – он выдохнул ей в волосы. – Молодец. Держись.

Когда её стоны стихли, поправил её скомканную футболку и натянул одеяло, его движения были резкими, но не грубыми.

Ритуал окончания сцены.

Стоял над ней, тяжело дыша, голый торс блестел от пота. Смотрел так, будто решал сложнейшую тактическую задачу. Коснулся её непослушных волос, провёл пальцами по подбородку, заставив поднять взгляд. Его взгляд был чистым, пронзительным, лишённым химического тумана.

– Всё ради тебя. Не для меня, – сказал он чётко, без дрожи. Прямо в глаза. – Я здесь не ради себя. Не стану использовать тебя. Пожалуйста, не проси. Потому что в следующий раз я могу не выдержать. И мы проиграем.

Сделал шаг назад, провёл рукой по лицу. Барьеры с гулким стуком встали на место. «Плеть Безмолвия» затянула

трещины, но теперь в её узоре была навсегда вплетена её биоэлектрическая подпись.

Он чувствовал вину за то, что едва не поддался.

Она чувствовала вину за то, что едва не сломала его.

– Мне нужен душ. Надеюсь, вода смоет... – он запнулся, посмотрел на часы. 21:28. – ...смоет всё лишнее. Перед следующим актом.

Вейл ушёл, и через секунду Лея услышала не только шипение воды. Из-за двери донёлся ритмичный, приглушённый стук. Как код. Два быстрых. Пауза. Три медленных. Сигнал готовности. «Жди. Будь готова».

Он готовился. К 22:00. К их пятнадцати минутам.

Девушка посмотрела на красный огонёк камеры, который вдруг показался ей не всевидящим оком, а мишенью.

Внизу, в груди её вещей, лежала смятая записка Илвы. Лея поймала себя на мысли, что совсем ничего не знает об этой женщине. Сколько лет она работает на «Антерос»? Что с ней сделали, чтобы она стала послушной? И главное – что заставило её рискнуть сейчас? Ответ был только один: надежда. Та самая, которую у неё самой пытались отнять последние двое суток.

И книга запретных поэм. И безделушка отца – кусок «искажённого сплава», тёплый на ощупь.

У неё было две минуты, чтобы прийти в себя.

Чтобы из объекта наблюдения снова стать Инквизитором

Леей Соларис.

У них было пятнадцать минут, чтобы из жертв стать охотниками.

Глава 7. Собственник

Фокус: Лея Соларис. Внешний конфликт: Провокация и наблюдение.

Это было... сложно.

Лея попыталась убедить себя.

Что не заинтересована.

Вид только что вышедшего из душа, с мокрыми, тёмными волосами, снова в очках...

Выдохни. И повторяй про себя. Простая чёрная футболка никак не обрисовывала рельеф его торса и не сидела так, чтобы привлекать внимание.

Серые тренировочные штаны, низко сидящие на бёдрах, ничуть не акцентировали те его достоинства, на которые она не могла не взглянуть...

Он не заставлял её сердце колотиться.

Нет.

И она абсолютно не чувствовала слюноотделение.

Совсем.

Хуже всего было то, что Лея находилась в относительно-м уме. Ясном, как никогда за последние сутки. Химический шторм отступил, оставив после себя странную, звенящую пустоту и... обострённое восприятие. Вожделение не затуманивало сознание. Оно стало холодным, аналитическим знанием. Она знала, что хочет его. Не потому, что яд кричал в крови, а потому что видела его. Видела союзника, сломанного и негибаемого. Нельзя было валить все на химию.

Лея сидела, прислонившись к изголовью кровати, в той же бесформенной футболке, прикрывшись одеялом. Волосы в небрежном узле. В руках держала безделушку отца – кусок тёплого, «искажённого» сплава. Водила пальцем по его неровной поверхности, чувствуя, как он отзывается едва уловимой вибрацией на гул систем жизнеобеспечения.

Он реагировал на магию «Антероса».

Её взгляд украдкой скользнул к часам. 21:59.

Вейл необычно долго был в душе. Хотя она ведь не знала, сколько он обычно проводит там времени. Но вряд ли дольше времени, продиктованного его преобладающей рациональной частью. Сначала девушка подумала, что мужчины задерживаются там только для самоудовлетворения. Потом вспомнила – это Сайлас Вейл. Вероятно, он проводил там се-

анс глубокой нейромедитации, перезагружая протоколы подавления. Или готовил оружие.

Затем дверь открылась, её накрыло волной запаха – ментола, озона и чего-то чистого, почти стерильного. Он вышел, обернувшись полотенцем вокруг бёдер.

Капли стекали по плечам, ключицам, грудным мышцам, собираясь в желобке между прессом, где Лея безумно хотела коснуться языком.

Сайлас подошёл к своей сумке, наклонился. Мышцы спины играли под кожей, и она увидела не просто анатомию, а карту битвы – старые шрамы, свежие царапины от её ногтей, хирургические метки.

Что-то сказал. Она не расслышала из-за гула в ушах. Повернулся, поймал её взгляд, и в его глазах, за стёклами очков, не было ни смущения, ни вызова. Был вопрос. «Ты готова?»
Чёрт.

Скажи что-нибудь.

– Ты принимаешь душ как танцовщица после арканобалета, – фыркнула она, пряча сплав в кулак. – Целую вечность.

Он усмехнулся, с любопытством глядя на неё, но уголки его губ дёрнулись – он понял намёк.

– Просто требовалось время для... декомпрессии. – Его челюсть напряглась. – Чтобы сбросить избыточное напряжение... и подготовиться к следующему акту.

Боги. Сайлас Вейл, не стесняющийся факта, что только что разрядился в душе. И намекающий, что это была не просто разрядка, а тактическая необходимость. От одной мысли её бедра свело судорогой желанием, чистого и ясного.

Едва уловимое движение под одеялом не ускользнуло от него – взгляд метнулся к очертаниям её бёдер, и он сделал почти незаметный, отрицательный жест рукой: «Не сейчас. Держись».

– Продолжай в том же духе, Соларис, – почти прорычал, но в голосе звенела не ярость, а предостережение. – И мы начнём третий раунд. А я ещё не восстановил достаточный уровень контроля, чтобы противостоять, если ты решишь атаковать.

И они этого ждут.

Лея хотела парировать, когда он надевал майку. Хотела доказать, что он не может на неё влиять.

Но мозг отказал, когда мужчина натянул свободные серые штаны, сбросив полотенце. На мгновение она увидела всё. И её мысли, кристально ясные, устроили ей жестокую экскурсию – он только что кончил. Их отделяла тонкая перегородка. Ей было почти обидно, что она не слышала... Ей отчаянно хотелось узнать, какие звуки он издаёт... Были ли они

подлинными? Или частью представления для микрофонов?

– Но тебя не было очень долго... – сказала она, не сдержавшись, и тут же пожалела.

Его брови взлетели. Румянец запылал на её щеках, но не от стыда. От досады, что даже в минуты относительного затишья он владел её мыслями.

– Мне тридцать, Соларис, – он протянул её фамилию, играючи, но его глаза оставались серьёзными. – Мне не свойственна поспешность юнца. – Он ухмыльнулся, и если бы не этот взгляд, девушка бы закатила глаза. – Требуется время.

Лея не сомневалась в его выносливости. Как и в его терпении. Покачала головой, чувствуя, как напряжение в комнате снова нарастает, но теперь это было иное напряжение – ожидание боя.

– Думаю, мне лучше выйти. – Он выглядел смущённым и раздражённым, но это была игра, и она это видела. Он ловко изображал потерю контроля. – Ты в ясном уме, но я чувствую... что теряю сцепление с объективной реальностью.

Её глаза расширились. Мужчина выпрямился. С расправленными плечами, с почти диким взглядом. От него исходила не просто сексуальная энергия, а внутренняя, звериная сила, направленная вовне – не на неё, а на стеклянную стену, на камеры, на невидимых наблюдателей.

Лея встала, чувствуя потребность подойти, быть рядом с этим живым ураганом.

Он покачал головой, скрестил руки, но его пальцы посту-

кивали по бицепсу – тайный, нервный ритм. Тот же код. «Готовься».

– Мной овладевает чуждое чувство, – сказал он громко, на публику, голос дрожал от нарочитой, почти театральной страсти. – Не похожее на похоть. Оно заставляет меня желать сделать тебя... своей. Отметить. И я зол, потому что почти не могу ему противостоять!

Он смотрел на неё, и во взгляде бушевала буря – но теперь Лея различала в ней не хаос, а расчёт. Вейл боролся. И проигрывал по плану. Чтобы они поверили.

А потом в их густой, пропитанный возбуждением и тайным сговором мир ворвалась спланированная реальность.

Дверь открылась без стука. Вошли два техномага, видимо, «совершавшие плановый обход». Один из них – Джарвис. Его глаза были чуть стеклянными, движения – чуть резче обычного. Стимуляторы. Лея вспомнила записку Илвы: «Он ждёт срыва В.». Это была не проверка. Это была провокация.

Всё произошло мгновенно.

Взгляд Джарвиса встретился с Леей, задержался на её полуобнажённых ногах, на растрёпанных волосах, и в нём вспыхнул не профессиональный интерес, а тупое, химически усиленное желание. Он инстинктивно почувствовал потребность быть ближе к ней, чем Вейл.

Сайлас понял, что проклятая отравка или нечто иное,

впрыснутое в него, распространяла свои споры... Роу использовал любые средства в своих экспериментах.

Но не успел Джарвис сделать и шага, как Сайлас был уже у двери. Его движение было не просто быстрым. Оно было смертоносным, как удар плети. Вейл схватил Джарвиса за воротник халата, с глухим, совершенным в своей животной искренности рыком вдавив техномага в противоположную стену коридора. Звук удара был влажным и тяжёлым.

– Ты посмел посмотреть на неё?! – рёв Сайласа был настоящим. В нём клокотала не просто ревность, а вся ярость за всё – за мать, за себя, за Лею, за её отца, за каждый день, проведённый в этой золотой клетке системы.

Техномаг-женщина, не успевшая представиться, магией отбросила Лею на кровать и захлопнула дверь, но не успела заблокировать её полностью. Поднялась суматоха. Крики. Уговоры, полные не искреннего страха, а профессиональной паники – они боялись не за Джарвиса, а за срыв дорогого эксперимента.

Лея прижалась к кровати, думая только о нём. Не о том, что он опасен. О том, что он рискует, выходя из роли. Надеюсь, что это часть плана, а не настоящий срыв.

Через несколько минут всё стихло.

Послышались сухие, неискренние и разноголосые извинения – явно отчитывались перед кем-то по кому.

Дверь открылась. На пороге стоял Сайлас с тремя техномагами за спиной, среди них – та самая женщина с синими волосами и холодным лицом.

Выражение его лица, прежде чем он заговорил, было красноречивым. Он не просто был близок к срыву. Он был срывом, воплощённым в плоти. Глаза горели холодным маговским огнём, губы были поджаты, а на костяшках правой руки краснели ссадины. Сейчас Вейл был как никогда близок к тому, чтобы устранить конкурента. Вернуться к своей самке и...

Показать им, кто здесь настоящий хищник.

Лея знала – если бы не сопровождавшие напарника техномаги, у неё были бы проблемы... или единственная возможность укрыться за ним от их глаз.

– Техномаг Джарвис не знал о том, что с определенного момента сотрудникам мужского пола лучше не приближаться к объекту эксперимента, – сказала женщина, её голос был ровным, но в нём звучало скрытое презрение. Она смотрела на Сайласа не как на человека, а как на опасный, нестабильный образец. – Не успел получить соответствующие инструкции. Это наше упущение. Он принесёт извинения, когда придёт в себя..., – последнее она добавила тише.

«Или когда его отключат от стимулирующих препаратов?», – подумала Лея.

– Ему же лучше, – пробормотал Сайлас, взгляд не отры-

вался от Леи, пожирая её. Всё под контролем – говорил этот взгляд. Правда ли? – Иначе я бы вправил ему мозги через носоглотку.

– И, несомненно, захочет извиниться перед инквизитором Сол...

– Он не подойдёт к ней ближе, чем на сто метров! – рык Сайласа заставил техномагов отпрянуть. – Это моё условие. И условие моей «Плети». Следующий, кто посмотрит на неё с таким выражением, получит билет в небытие. Понятно?

Техномагиня свирепо посмотрела на него, но кивнула – не из уважения, а из страха перед последствиями для проекта.

– Инквизитор Вейл, вам тоже требуется время на восстановление контроля. Ваши показатели...

– Мои показатели – моя забота, – перебил он её, в голосе зазвучали ледяные, магословские нотки вседозволенности, от которых кровь стыла в жилах даже у тех, кто его презирал. – Ваше дело – убрать мусор и не мешать. Иначе напишу рапорт о вмешательстве в ход инквизиторского расследования. Или вы думаете, протокол «Антероса» отменяет юрисдикцию Семи Семей?

Это был блеф. Он был изгоем. Но звучало убедительно.

Лея закусила губу, подавляя смех, который рвался наружу от безумия происходящего. Он играл на их страхе перед системой.

– Он всегда будет так реагировать на присутствие другого

мужчины? – тихо спросила она, делая вид, что испугана, но её глаза встретились с его – и в них вспыхнуло понимание. – В смысле – все эти часы, что мы здесь...

Лея не сомневалась, что проклятую отраву удастся полностью вывести. Только в груди что-то слегка сжималось при мысли, что тогда эта безумная, животная связь, этот союз в борьбе... угаснет. И он снова станет просто напарником. И это отчего-то было невыносимо.

– Мы полагаем, что да, – техномагиня говорила, глядя на Сайласа как на феномен. – Его обострённые сенсоры уловили потенциального конкурента. Это демонстрация доминантного поведения, усиленного экспериментальными агентами. К сожалению, на этот раз даже такие мощные барьеры не выдержали.

– Это не из-за моих гормонов? – спросила Лея, уже зная ответ.

– Он слишком долго находится с вами. Ощущает все... изменения. Это, безусловно, влияет и на него тоже, – женщина говорила свысока, как лектор. – Как бы не развилась наша цивилизация, достигнув уровня владения магией... Некоторые вещи закреплены миллионами лет эволюции. Первобытный инстинкт спаривания и доминирования заложен глубоко. Биохимия инквизитора Вейла настроена на защиту выбранной в данный момент самки. Вы стали для него фокусом собственности. И это даёт нам бесценные данные.

– Очень подробно и чётко, – проворчал мужчина, садясь в

кресло и обхватывая голову руками, изображая истощение. Но его плечи не были расслаблены. – Со мной всё будет в порядке, как только восстановлю контроль. Не ожидал такой силы реакции. Хотел оторвать ему голову только за взгляд.

Вейл добавил бы и про запах. От Джарвиса несло стимуляторами. Но стоит ли озвучивать, что ему известно об этом?

Техномагиня бросила на него суровый, оценивающий взгляд, но промолчала. Его точность была пугающей.

– Вам лучше выйти, пока...

– Всё в порядке, – перебила Лея, её голос прозвучал твёрдо и ясно. Она смотрела прямо на Сайласа. – Инквизитор Вейл не причинит мне вреда. – В его глазах, когда она произнесла его титул, вспыхнула не искра, а целый костёр одобрения. – Вы можете оставить нас. Нам нужно... обсудить дальнейшие действия. По протоколу.

Техномаги зашептались, недовольные, но связанные по рукам его угрозой и её формальным статусом.

– Вы слышали инквизитора, – низко произнёс Сайлас, не поднимая головы. – Уважайте её решение. К тому же я все еще ее карантинный офицер, никто меня от этой должности не освобождал. И доложите доктору Роу, что объект «Вейл» демонстрирует прогнозируемое территориальное поведение. Пик, видимо, близок. А теперь – прошу покинуть помещение!

Последние слова были произнесены с таким ледяным,

неоспоримым авторитетом, что техномаги даже не стали огрызаться и поспешно ретировались.

Дверь закрылась.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь гудением систем.

Сайлас бросил взгляд на часы. 22:03. Илва сдержала слово. Их пятнадцать минут начались.

Надо же. Все произошло так быстро.

Лея выдохнула, сжав в руке тёплый сплав.

Сайлас поднял голову. Никакой усталости, никакого безумия в его глазах не было. Только острая, сфокусированная ярость и готовность.

– Готова? – спросил он одним движением губ.

– Готова, – кивнула она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.